

ИСТОРИЯ
ИЖС

18+

А. ДЖ. МОЛЛОЙ

В духе классического романа Паулины Реаж «История О»
и знаменитого фильма Стенди Кубрика
«С широко закрытыми глазами»

СТО ОТЕНКОВ
ЗАПРЕТНЫЕ УДОВОЛЬСТВИЯ

А. Дж. Моллой

История Икс

Серия «Сто оттенков любви.
Запретные удовольствия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6898454
История Икс: роман : Азбука, Азбука-Аммукус; СПб.; 2014
ISBN 978-5-389-08225-0

Аннотация

Скромную и застенчивую студентку Александру Бекманн друзья называют Икс. Девушка любит все загадочное и таинственное. Ей противна тихая и размеренная жизнь, которую она ведет. Икс грезит о приключениях. И вот Александра попадает в Неаполь, чтобы собрать материал для будущей диссертации, посвященной итальянским криминальным сообществам. На залитых ярким солнцем улицах девушка встречает лорда Маркуса Роскаррика, богатого итальянского аристократа, чье прошлое покрыто мраком. Марк открывает Икс двери в мир, о котором она даже не смела мечтать, но, чтобы стать своей в этом мире, героиня должна пройти некие эротические ритуалы – мистерии, которые одновременно пугают и притягивают ее...

Впервые на русском языке!

Содержание

1	5
2	20
3	35
4	48
5	57
6	66
7	85
8	93
9	105
10	115
Конец ознакомительного фрагмента.	120

А. Дж. Моллой

История Икс

Посвящается С.

1

Вот я и здесь: в «Гамбринусе». Наконец-то я в Италии. Сажу на террасе за столиком знаменитого кафе, что на углу не менее знаменитой улицы роскошного Неаполя. Погодка сегодня теплая, на вечернем небе ни облачка, однако «благоухание» мусора доползло даже сюда.

Мимо обшарпанного, исписанного граффити паляца вальяжно проходит полицейский. Выглядит он как творение от Армани: солнцезащитные очки, пиджак, привлекательная внешность, сшитые на заказ синяя рубашка и брюки, сверкающие кожаные туфли и легкая сутулость при походке. Коп от «Дольче и Габбана».

И он действительно красавец. Здесь их пруд пруди, но самый шикарный мужчина сидит в трех столиках от нас.

– Кто он такой?

Подавшись вперед, Джесс пристально смотрит на меня:

– Роскаррик.

– Кто?

Джессика Раштон, моя лучшая подруга по Дартмуту¹, забавная, саркастичная и очень симпатичная британка с циничным характером, изумленно выгибает тоненькие, как ниточки, бровки и отводит назад длинные темные волосы.

– Не слышала о лорде Роскаррике? – неодобрительно цокает она.

– Так он еще и лорд?

Джессика фыркает со смеху, пуская в воздух облачко сигаретного дыма:

– Маркус Джеймс Энтони Ксавьер Мастрosso ди Анджело Роскаррик.

– Бог ты мой!

– Друзья зовут его просто Марк.

– Что ж, это явно экономит время.

– К тому же он миллиардер, – расплывается в улыбке Джессика. – Да про него весь Неаполь знает.

Я смотрю на этого, как оказалось, чрезвычайно богатого мужчину. Ему не больше тридцати, и выглядит

¹ Дартмутский колледж – один из старейших и наиболее престижных колледжей США, имеет статус университета; расположен в Ганovere, штат Нью-Гэмпшир. (Здесь и далее прим. перев.)

он потрясающе. Других слов нет. Все прочие эпитеты излишни. У него смуглая кожа, а глаза бледно-голубые и такие холодные. Ошеломительный контраст. Суровый профиль, но лицо притягивает к себе: хищное, агрессивное и в то же время печальное, с небольшой щетиной и неповторимым сочетанием ребячества и неподдельной мужественности. О да, он безусловно сексуален!

Да что со мной? Не привыкла я так реагировать на незнакомцев. Ловлю себя на том, что приглаживаю светлые, до плеч волосы и сокрушаюсь, что не раскошелилась на нормальную стрижку. Интересно, взглянет ли он в мою сторону. Но нет, ничего такого не происходит. Он по-прежнему потягивает эспрессо из крошечной чашки, трогательно поднося к губам тонкий фарфор. Сидит в одиночестве. Пьет кофе по глоточку. Смотрит в никуда. Равнодушно. О боже! Какое лицо!

– Икс, ты же не влюбилась?

Джесс всегда зовет меня Икс. Вообще-то, именно так она окрестила меня, когда мы жили вместе в Дартмуте. На самом деле меня зовут Александра Бекманн. Алекс Би. А коротко – Икс. Я блондинка, родом из Калифорнии, во мне немного еврейских корней, и мне двадцать два года. Джесс считает меня совершенно наивной. Возможно, она права. Однако я в меру умна и уж точно образованна. А теперь я в Неаполе. В

Италии!

Джессика все лепечет про этого парня, а я как глупая пялюсь на него, ничего не могу с собой поделать. Я, конечно, думала, что итальянские мужчины полностью соответствуют стереотипам – я имею в виду и горячий темперамент, и назойливость. Да, этот парень горяч, но совсем не так, как я ожидала.

– Да ну его! Очередной смазливый кобель... – трещит Джессика.

Подруга закуривает еще одну сигарету и деловито выпускает дым через нос. В Нью-Гэмпшире я за ней такого не замечала.

– У него... интересная внешность, – замечаю я.

О боже, какая нелепая ложь!

– Держись от него подальше, малыш.

– Что?

– Смотри внимательно, малютка, перед тобой беспощадный убийца! – смеется сквозь дым Джессика.

– Все так плохо?

– Он сердцеед, топчет сердца, как букашек. Ну правда, Икс. Тебе он совсем не пара.

Я внутренне негодую. В глазах Джесс я невинная простушка, однолюбка. В принципе, она отчасти права. По сравнению с ней я ничем не выдающаяся скромница. Сколько помню Джесс, она всегда развлекалась с выпивкой, сигаретами и мужчинами, кидая

лась на поиски приключений, заваливалась в три часа ночи с очередным безымянным барменом, чтобы поразвлечься с наркотиками и заняться сексом на кухонном столе. У меня же весь колледж был один парень, я даже убедила себя, что влюблена, и, конечно же, усердно училась.

Но вскоре наши отношения стали пресными, вернее, я поняла, что пресный именно мой парень. Зато усердие в учебе принесло свои плоды, хочу пойти в аспирантуру. Собственно поэтому я и в Италии, собираю материал для диссертации «„Каморра“ и „Коза Ностра“²: История возникновения итальянской организованной преступности в Меццоджорно³».

Я хочу преподавать историю Италии, но настоящая причина, по которой я выбрала именно такую тему диссертации, другая. Это лишь предлог для поездки в Неаполь, где я смогу потусить с Джесс и наконец-то повеселиться. Подруга приехала сюда шесть месяцев назад, взяв в колледже академический отпуск, – учить язык и преподавать английский. Она так красочно все разрисовывала по телефону и в переписке: еду, сам город, мужчин. Да, мужчин! А почему бы и нет? Я просто жаждала присоединиться к ней.

² «Каморра» – неаполитанская мафия. «Коза Ностра» – сицилийская организованная преступность.

³ Меццоджорно – Южная Италия.

Как же я хочу от души повеселиться! Мне двадцать два, и опыт мой невелик: двое парней и единственный раз – секс на одну ночь, да и тот был не на высоте. И все. Джессика в открытую насмехается надо мной, называя почти девственницей или Мадонной Нью-Гэмпшира.

Я оборачиваюсь. Незнакомец смотрит на меня. На меня! Мельком, слегка озадаченно улыбается, будто не может припомнить, кто я такая. Затем его внимание вновь обращается к кофейной чашке.

– Он только что посмотрел!

– Ага! – смеется Джесс. – Иногда он и вправду поворачивает голову. Очень странно.

– Прекрати, для меня здесь все в новинку. – Я допиваю невероятно вкусный кофе. – Джесс, я совсем не привыкла к здешним горячим красавчикам. Парни из Дартмута поголовно носят нелепые рэперские джинсы, спадающие с бедер. Совсем как дети.

– Твой бывший носил... – Джессике передергивает от отвращения. – Парусиновые туфли на платформе.

– Мерзость! – хохочу я. – Парусиновые туфли с серыми носками! Пожалуйста, не продолжай.

– Ну настоящий матадор!

Лорд Роскаррик попивает кофе и больше не смотрит в мою сторону.

– Зато он соображал в математике, – защищаю я

своего бывшего.

– Да, Икс, только выглядел он как затюканный ослик. Хорошо, что ты его отшила.

– Расскажи лучше, как у тебя дела. По-прежнему покоряешь мужчин Кампании?

– Ну да... Точнее, так было... – Пожав плечами и состроив недовольную рожицу, Джессика тушит окурок.

Невероятно элегантный официант тут же забирает переполненную пепельницу и, небрежно бросив: «Signorina!», изящным жестом ставит на ее место новую – стеклянную и довольно массивную, с буквами «CG» в стиле Прекрасной эпохи. Обслуживают здесь по высшему разряду. Кафе «Гамбринус» украшено фресками и люстрами, оно очень знаменитое. В мою голову начинают закрадываться сомнения насчет стоимости этих замечательных макиато и восхитительных крошечных закусок: саями «Наполи» на нежнейших ломтиках чабатты. Я шесть месяцев работала по вечерам в барах, чтобы скопить на трехмесячную поездку сюда. Мои финансы ограничены.

Но сегодня, в свою первую ночь в Неаполе, мне наплевать!

Вечер продолжается. Роскаррик по-прежнему сидит за столиком, в шикарном костюме и с неповторимо красивым лицом, и старательно избегает взглядов в нашу сторону. Пора забыть про него: впереди меня

ожидает целое море мужчин.

Улочки позади летнего кафе находятся в постоянном движении. Флиртуют прохаживающиеся мимо парочки, флиртуют улыбчивые копы, малолетки на неизменно зеленых скутерах «Пьяджо» и те флиртуют. Здесь все подернуто дымкой распутства, здесь торжествует жизнь. Как это по-неаполитански! Хотя откуда мне знать, ведь в Неаполе я впервые, как, впрочем, и в Италии. В Европе я прежде бывала лишь однажды, на свое восемнадцатилетие. Провела дождливую неделю в Лондоне – подарок от мамы с папой за получение стипендии в Дартмуте.

Папа и мама. На меня вдруг нахлынула ностальгия. Хотя нет, не могу я тосковать, ведь всего два дня назад я покинула наш маленький домик в Сан-Хосе с солнечным двориком и дождевальными установками – провинциальная американская жизнь.

Сейчас я в Европе – загадочной, мрачноватой, угадывающей и грандиозной старушке Европе. Я уже обожаю ее. И полна решимости укрепить свои чувства.

– Здесь из-за парней свихнуться можно, – произносит Джессика.

– Что, прости? – удивляюсь я. – Ты же говорила, что в восторге от здешних мужчин. Присылала мне список имен, довольно внушительный.

– Правда? – криво и слегка смущенно усмехается

подруга. – Ну да, конечно. Была у меня тут парочка. – Она замолкает. – Пара десятков. Они симпатичные, что остается одинокой девушке? Но, Икс, какие же они нарциссы, черт их дери, даже раздражает.

– В смысле?

– Половина из них маменькины сыночки. Они называются здесь маттоне. Живут в родительском доме лет так до пятидесяти. Я уж молчу про одежду и аксессуары. Фу! – Джесс хмыкает и выпускает дым от девятой по счету сигареты. – Я про барсетки. Кто бы мог подумать, Икс, барсетки!

– Сумочки для мужчин?

– Они самые. Кожаные модные аксессуары! Метро-сексуалы проклятые! А носки? Вернее, их отсутствие. Что это за мода такая – надеть деловой костюм без носков? Так и хочется сказать: «Надень чертовы носки, придурок!» И прихорашиваются через каждые пять минут. В барах, например, в мужскую уборную очереди длиннее, чем в дамскую комнату. Через некоторое время это все начинает бесить. Вот посмотри, посмотри же! – От резкого взмаха рукой на изящном загорелом запястье Джесс бренчат серебряные браслеты. Мой взгляд следует через живописную виа Толедо, минует Оперный театр и огромную площадь с отелем «Роял палас», которая, как мне кажется, ведет к Тирренскому морю. – Посмотри на эти завалы мусо-

ра. Почему бы просто его не убраться? Хотя на мину-
ту, черт вас дери, прекратите думать о барсетках, Си-
ньор-Без-Носков, и наведите порядок в своем городе.
Так бы поступил настоящий мужчина!

Мы погружаемся в тишину.

– Мне надо выпить, – наконец прерывает паузу
Джессика.

Заказываем напитки – парочку «Венециано», что
бы это ни значило. Джессика обращается к официан-
ту на почти безукоризненном итальянском, а я втайне
завидую ей. За полгода она сделала скачок от неуве-
ренных попыток и заикания до чуть ли не двуязычия.
Я же едва могу сказать: «Uno, due, tre»⁴. Так что, пока
я здесь, нужно разобраться и с этим: мечтаю выучить
итальянский. А еще, даст бог, влюбиться!

Ох, как же я хочу влюбиться! По-настоящему. Без
притворств, как с Занудой-Математиком Полом. Ес-
ли я влюблюсь, то впервые в жизни. А мне уже два-
дцать два! Может, я просто неспособна полюбить, мо-
жет, внутри меня нет благодатной почвы? Бедняжка
Икс. Вы слышали про Икс? Она не может влюбиться!
Доктора перепробовали все средства, но безуспешно.
Теперь ей дорога напрямик в приют для старых дев.

– Signorina, due aperitivi⁵.

⁴ Один, два, три (*um.*).

⁵ Синьорина, два аперитива (*um.*).

Официант ставит перед нами выпивку. Большие бокалы на длинных ножках на три дюйма заполнены огненно-оранжевой жидкостью.

Я с подозрением смотрю на напитки.

Джесс расплывается в улыбке, а затем хохочет. Ее темные волосы выглядят очень ухоженными, отличная стрижка, подмечаю я. Это тебе не Дартмут.

– Икс, все в порядке. На вид как радиоактивные отходы, но попробуй. Клянусь, *delizioso!*⁶ И к тому же модно.

Я подношу напиток к губам, на запах и вкус – апельсиновый, резкий и с горчинкой, а еще очень крепкий. То что надо!

– Белое вино, газировка и апельсиновый ликер «Аперол» – не «Кампари».

– Что?

– Икс, так его смешивают. «Венециано». Три или четыре бокала – а может быть, и пять – поднимут мне настроение на весь вечер.

После парочки коктейлей, или же пяти, нас окутывает беспроядная ночь. Луна бесстыже взирает на нас свысока. Через улицу блистают в своих нарядах посетители оперы, а мы хихикаем и шутим, словно вновь оказались в нашей квартире в Гановере, штат Нью-Гэмпшир, со спятившим соседом снизу. По-

⁶ Вкусно! (*um.*)

ка Джессика флиртует с официантом, тараторя что-то по-итальянски, я украдкой поглядываю на *него*.

Весь вечер *он* сидит за тем же столиком, в своем безупречном костюме и девственно-белой рубашке, на манжетах – серебряные запонки с драгоценными камнями, на шее – шелковый сиреневый галстук. Иногда мужчина отвечает по ультратонкому телефону, иногда встает, чтобы поприветствовать знакомых.

Время от времени к нему за столик присаживаются удостоившиеся такой чести прохожие. И тогда этот мужчина, удивительно привлекательный, с грозным видом и хмурым взглядом, с темными кудрями, неповторимым образом спадающими на снежно-белый воротничок, с бледными, слегка печальными глазами и скулами неземной красоты, скорее прелестное видение, а не человек, – тогда он мощно и очень эмоционально жестикулирует. Он совсем не похож на других итальянцев, более сдержанный и сосредоточенный. Отрешенный. Может, даже замкнутый? Нет, все-таки отрешенный. И чуточку опасный.

С болью и грустью я понимаю, что этот мужчина – на вид лет тридцати, высокий, богатый, недостижимый – очень красив. Пожалуй, он первый действительно красивый мужчина, встретившийся мне: более смуглый, чем Байрон, скорее загорелый Джеймс Бонд. Мне и раньше попадались симпатичные парни

– весельчаки со смазливой мордашкой и щуплым телом, любители гитары. Таких в Калифорнии навалом, и был по крайней мере один в Дартмуте – Джессика с ним переспала. Незнакомец же привлекает именно мужественной красотой. Даже отдаленно не смахивает на гея, не метросексуал, не «костюм без носков», таскающий за собой барсетку, а высокий, очень мужественный, солидный, суровый, стройный... О боже, кажется, я пьяна.

Подруга, как всегда, читает мои мысли. Допив четвертый по счету «Венециано» и смачно, но забавно рыгнув, произносит:

– Говорят, его жена погибла. Несчастный случай. А может, и нет... После он превратил семейные миллионы в миллиарды. Роскаррик. Отец – англичанин, мать – итальянка. Икс, спроси у друга «Гугла». Господи, как же я проголодалась. Может, пиццу закажем?

Она пьяна. Впрочем, я тоже. Одурманена всем, что меня окружает. И апельсиновыми аперитивами, и кислотно-желтой луной Неаполя, и мужчиной в дорогом английском костюме. Лорд Роскаррик. Лорд Маркус Ксавьер... как-его-там... Роскаррик.

– Черт возьми, Икс!

– В чем дело?

Я уже минуты две люблюсь небом. Теперь же перевожу взгляд на Джесс, которая, в свою очередь, в

ужасе пялится на чек.

– Что? В чем дело? Сколько?

– Зачем мы брали здесь выпивку? – стонет Джесс. –
Надо было пойти в бар рядом с домом. Подстава!

Мой желудок сжимается.

– Сколько там?

– Девяносто евро.

– Бог ты мой! Мы же только «Венециано» пили.

– А еще кофе, закуски. Чтоб меня! Какая же я тупица! Забыла, что ли, как здесь все дорого. Прости, милая.

У Джессики с деньгами туго, от преподавания она получает гроши. Живет от зарплаты до зарплаты, но как-то справляется. Так что напитки на девяносто евро могут изрядно подпортить ей неделю. Я нехотя достаю из кошелька кредитку, но вдруг подбегает официант и с улыбкой уносит счет.

– А как же кредитка? – кричу я ему вслед.

– Все в порядке! – любезно улыбается симпатичный официант. – Синьор заплатил за вас. Синьор Роскаррик.

– Что? Нет...

Сердце мое подпрыгивает в груди, я оборачиваюсь, дрожа от глупой радости и смущения, собираюсь вежливо отказаться: «Правда, не стоит, мы сами заплатим. Меня зовут Алекс. Александра. Александра Бек-

манн. Да. Верно. С двумя „н“. Вот мой номер телефона. Запишите. А лучше сделайте татуировку на руке».

Но столик пуст. Незнакомец ушел.

О стену палаццо облокотился коп в дизайнерской одежде и теперь молчаливо курит в сумерках.

2

Мне нужно выбросить его из головы, поэтому весь следующий день я увлеченно распаковываю коробки в своей крошечной однокомнатной квартирке рядом с Кастель-дель-Ово ⁷.

Пару недель назад Джессика позвонила мне в Штаты и пообещала договориться о квартире рядом с ней – в новом модном районе города под названием Санта-Лючия. Я босиком выхожу на миниатюрный балкончик, металлические прутья которого обвиты виноградной лозой. Теперь я понимаю, что такое «новый и модный» по меркам Неаполя. Это означает, что зданиям в стиле неоклассицизма не более двух сотен лет, а груды мусора на тротуаре не превышают человеческий рост.

И кого это волнует? Над головой божественно-голубое ясное небо, утренний воздух мягок, а если я привстану на носочки – чуть ли не падая с балкона, – то всего в двух кварталах от меня, между домами *виа Лучильо* увижу тонкую полоску Тирренского моря, сводящего с ума своей синевой. Далеко на горизонте вырисовывается темный и неровный силуэт острова.

⁷ *Кастель-дель-Ово* – средневековая крепость на острове в Тирренском море, который соединен узкой насыпью с Неаполем.

Должно быть, это Капри.

Я вижу со своего балкона Капри!

Проведя здесь всего сутки, я уже влюбилась в это место. Мне просто необходимо поделиться счастьем. Звоню Джессике на работу и все ей рассказываю. Подруга рывкает в трубку и обзывает меня сентиментальной дурой. Очень по-британски. Я, конечно же, хочу расспросить ее про незнакомца. Но не могу, она засмеет меня.

– Джесс, спасибо за квартиру.

– Prego⁸. А теперь возвращайся к распаковыванию вещей. И прекрати о нем думать.

– Откуда ты знаешь? – смеюсь я.

– Ты вчера всю ночь о нем болтала. Вряд ли сегодня взяла и забыла.

– Какая же я все-таки загадочная.

– Остынь, Икс. Да, Виконт Совершенство заплатил за выпивку. Ну и что? Расслабься, детка.

– Джесс, почему везде столько мусора? – перевожу я разговор на другую тему.

– Я же говорила: дело в «Каморре». Они заправляют сбором мусора и больше никому не позволяют этим заниматься. Рэкет, мошенники. Весь город словно сцена драматического произведения – бал-маскарад, и все – слышишь? – все в масках! Заруби себе

⁸ Пожалуйста (*um.*).

на носу!

– И?

– Когда увидишь сборщиков мусора, помни, что они вооружены.

– Ух ты! Отлично!

Джесс на секунду замолкает, а затем хохочет:

– Ага! А если и вправду хочешь разведать побольше про «Каморру», то всегда можешь спросить ее предполагаемого сообщника.

– Ты о ком?

– Да есть тут один парень... Лорд Роскаррик. Слышала о таком?

– Нет. Расскажи.

– Что ж... Полагаю, он довольно привлекателен, если ты, конечно, падкая на красивых, сексуальных, обаятельных миллиардеров. Многим девчонкам нравится такое сочетание.

– И?...

– Некоторые говорят, что он в верхушках «Каморры», другие же утверждают, что он противостоит «Мафии». В любом случае интересно. Позвони ему и попроси дать интервью.

– Джессика, ты предлагаешь, чтобы я вот так взяла и позвонила ему? Ни с того ни с сего? Тебе, наверное, там скучно, да? Скучно ведь?

– Ненавижу утро четверга! – Слышу в трубке ее

стон. – Каждый божий четверг у меня полный класс *princesse*⁹.

– А...

– Они только и делают, что подпиливают ногти и болтают об оргазмах. Но неважно. Послушай, Икс, я не шучу. Этот парень не такой уж недосягаемый, если тебе интересно. И он точно спонсирует благотворительные организации, которые помогают жертвам мафии. Можно начать с этого. Он что, действительно так тебе понравился? Икс? Только не ври.

Я набираю в легкие побольше воздуха. Понравился ли он мне? Правда? Действительно ли я хочу откликнуться на его загадочный первый шаг? Хочу ли броситься с головой в омут из-за этого таинственного и слегка пугающего человека?

ДА. О боже, да! Определенно ДА. За мою короткую жизнь еще ни один мужчина так меня не волновал, не поднимал с глубин сокрытую во мне сексуальную энергию. У него же это получилось: вот так просто, не обращая на меня внимания в течение нескольких часов, может бросив разок в мою сторону хмурый взгляд, а затем исчезнув – и заплатив за наши напитки. И все. Но этого оказалось более чем достаточно.

ДА. Очень хочу. ДА, ДА, ДА, ДА, ДА!

– Возможно, – отвечаю я.

⁹ Принцессы (*ит.*).

– Я и не сомневалась. Да ты на нем готова рубашку в клочья разорвать при малейшей возможности, шлюшка!

– Ты про его дизайнерскую рубашку из египетского хлопка, купленную на Джермин-стрит?

– Именно, – хохочет Джесс. – Сшитую вручную сиротками в Антверпене.

– Ну и...

– Если тебе действительно интересно... Он живет в известном палаццо в Кьяйя.

– Где?

– В Кьяйя. Это очень фешенебельный район. Всего в десяти минутах ходьбы от Санта-Лючии. Палаццо Роскаррик, глянь в «Гугле». Вы чуть ли не соседи, черт побери! Можешь наведаться туда после обеда, взять интервью у нашего лорда и часам к пяти утопать в посткоитальной неге. Если, конечно, тебя не пристрелят парни из его банды. Ну все, я побежала. Будь осторожнее!

Телефон разъединился. Сердце мое забилося чаще. Я смотрю на лазурное море и мерцающий силуэт острова вдалеке. Значит, Роскаррик живет совсем рядом. В палаццо. Конечно, в палаццо, глупая! Где же еще?

Так, стоя на балконе, я предаюсь грезам. Воображаю, как он – Маркус Роскаррик, молодой лорд Рос-

каррик, привлекательный синьор – входит в огромную комнату с огромными окнами, сквозь которые льется свет Кампании. Снаружи в саду шелестят пальмовые ветви, с улицы доносится приглушенный шум машин, будто ласкающий слух шепот. Может, в этот момент внутрь заходит дворецкий и, минуя старинные портреты, подает завтрак. Я буквально вижу серебряный кофейник и тарелочки с лаймовым пралине, лимонные дольки на фарфоровом блюде и свежесжатый сок из красного апельсина, пролитый на безукоризненно белые простыни. Алая кровь на исключительной белизне.

А еще обнаженная девушка. Есть ли она в моей воображаемой сцене? Да, вот она – нагая, мечтательная и прекрасная – стоит возле окна, окутанная прозрачными занавесками из брюггского кружева. Марк Роскаррик поднимается с кровати – тоже обнаженный, стройный, возбужденный, его мускулистое тело словно вырезано из твердого и темного дерева лесов Амазонии. Ступая по паркетному полу, он подходит к девушке и обнимает за тонкую талию, целует бледную кожу на ее шее, прелестное создание в ответ томно вздыхает и поворачивается. И это я, именно я стою у окна спальни, обнаженная. Я его любовница, крепкие руки обхватывают мою талию, я поворачиваюсь, улыбаюсь и целую красивое лицо Роскаррика, затем

в благоговении опускаюсь на колени и тянусь к его вожделеющему мужскому началу и...

И прямо под моим балконом, на виа Санта-Лючия, малолетка на мотороллере «Веспа» внаглую пялится на меня – босоногую, в шортах и с приоткрытым ртом, витающую в эротических фантазиях. Подростку где-то лет шестнадцать. Я вижу, как он ухмыляется, а потом уносится в сторону Кастель-дель-Ово, к горной дороге и пленительно-синему Тирренскому морю.

Нелепость какая! Что со мной? Эротические фантазии днем? Совсем не как в Нью-Гэмпшире. Совершенно не так.

Нужно сосредоточиться. Мне осталось распаковать одежду и ноутбук. Сперва одежду.

Как оказалось, довольно унылый процесс. Я привезла с собой кучу вещей от «Зары», обновила почти весь гардероб – в прошлом месяце отоварились в их магазине на Юнион-сквер в Сан-Франциско. Тогда это показалось мне отличной идеей. В Калифорнии одежда выглядела очень европейской, элегантной и уместной, чуть ли не *perfetto*¹⁰. А еще обошлась недорого.

Но теперь я с содроганием достаю платья и брючные костюмы. Знаю, что «Зара» – испанская марка, но почему-то вся одежда выглядит очень... по-американски. Скорее даже провинциально и массово.

¹⁰ Совершенный, безупречный (*um.*).

На самом деле вещички симпатичные: черные хлопковые юбки-карандаш, коротенькие легкие платья с принтами, жаккардовая мини-юбка, забавная кружевная кофточка. Все очень милое и летнее, хлопковое и новое, но здесь, в Италии, оно кажется совершенно неизысканным, даже безвкусным. Такой гардероб неспособен произвести впечатление. Одеть мне нечего. Я здесь всего сутки, но уже знаю одно: на виа Толедо носят как минимум «Прада». Шелк, кашемир, дорогой лен. Даже регулировщики выглядят так, будто идут не по тротуару, а по подиуму.

Но выбора нет, буду носить то, что есть. У меня нет денег на обновки. Придется положиться на природные преимущества.

Коими являются...

Подхожу к высокому старинному зеркалу, что висит на стене напротив моей кованой кровати. От окна наискось ложится свет. Я внимательно смотрю на себя. Стою в шортах, босая. Лицо перепачкано пылью от коробок.

Волосы почти в порядке, лежат мягкими волнами. Большую часть времени. Мой рост – пять футов и пять дюймов, а вес – 120 фунтов. Некоторые даже считают меня хорошенькой. И лишь однажды мужчина назвал меня красивой.

Всего один раз.

Я подхожу к зеркалу ближе, разглядывая себя, будто рабыню на невольничьем рынке. Римская рабыня на пьядца Меркато. Не зря я много читала из истории Неаполя.

У меня симпатичный вздернутый носик. А может, слегка кривой? И слишком много конопушек. Зубы почти идеальные. Уши предательски маленькие. От устриц меня воротит. И переспала я лишь с тремя парнями.

Всего трое!

Мое зеркало вибрирует – это мимо проехал грузовик, громяхая на черных булыжниках переулка. Трое! У меня было три любовника, и ни с одним я не достигла оргазма. Видит бог, я хочу это изменить. Мне надоело быть хорошей, прилежной девочкой, которая только и делает, что учится. Пожалуйста, Господи, я прошу всего одно лето наслаждений. И секса. Много-много классного секса!

Может, я действительно распутная девица, может, Джесс права. Может, шлюха внутри меня только и ждала подходящего момента, словно блистательная бабочка, вырвавшаяся из девственно-белой куколки «порядочной дочери». Ночная бабочка Борджетто, блудница, балансирующая на туфлях «Прада», и бесстыжая молодая любовница очень богатого мужчины. Всего на одно лето я согласна стать любой из них. По-

сле этого и состариться не страшно: будет что рассказать ошарашенным внукам о летних похождениях их бабушки в греховном и чувственном Неаполе.

Ох, бабуля, ты такая выдумщица!

Наконец вся одежда аккуратно висит в большом и старом платяном шкафу. Осталось распаковать и подключить ноутбук. Это угнетает меньше, чем разбор вещей. В моей комнате нашелся даже немного расшатанный раскладной деревянный столик. Если приставить к стене, будет что надо.

Ноутбук уже работает, подключенный к общей с Джесс сети. Я приступаю к исследованиям. Изучаю историю организованной преступности на юге Италии. Этому посвящена первая треть моей диссертации, я почти ее закончила. Пора переходить к полевым работам. Интервью. Вылазки в город.

Приключения.

Перечитываю уже написанные отрывки.

«Каморра».

Происхождение «Каморры», преступной организации Неаполя, остается под вопросом. Возможно, она является ответвлением испанского тайного общества, основанного в 1417 году, во времена Неаполитанского королевства и правления Бурбонов. Есть вероятность, что она возникла из мелких криминальных группировок, действовавших среди бедных слоев населе-

ния Неаполя в конце восемнадцатого века...

Проходит несколько часов. Я напряженно пялюсь на экран. Палаццо Роскаррик. Всего-то и нужно набрать в «Гугле». Палаццо Роскаррик...

«Ндрангета»¹¹... «Каморра»... «Сакра Корона Унита»¹²...

Черт возьми! Посмотри же в Интернете. Всего пара минут – и я нахожу, что мне надо: на сайте, посвященном неаполитанскому искусству и архитектуре. Джессика была права. Палаццо Роскаррик – шедевр в историческом смысле. И действительно, десять минут пешком от Санта-Лючии.

Меня охватывает дикое желание отправиться туда. Сейчас же! Но я не должна... Просто обязана! Но я не могу... Еще как могу! Скорее, я не пойду. Но почему мне нельзя? Я же по делу – пишу диссертацию. У меня замечательный предлог, нет, даже причина! Можно было остаться дома в тоскливом Сан-Хосе и проводить исследования организованной преступности по Интернету, но я же здесь, в самом Napoli, чтобы увидеть все собственными глазами. Очевидно, Маркус

¹¹ «Ндрангета» – крупная итальянская организованная преступная группировка, происходящая из Калабрии – самой бедной провинции Италии.

¹² «Сакра Корона Унита» – криминальная структура, базирующаяся на юге Италии, на территории Апулии.

Роскаррик сможет о многом мне рассказать, ведь он оказывает финансовую поддержку жертвам мафии.

Зачем? Совесть замучила?

Пока мой здравый смысл не взял верх, я сбрасываю шорты, наспех натягиваю джинсы, босоножки и белую майку. Ничего выдающегося. Добавить браслетик? Мне очень нравится, как серебряные кольца на запястьях Джесс подчеркивают их красоту и загар. Выбрать другой аромат? Да, так и сделаю. А солнечные очки? Нет.

Да!

Дорога должна занять не более десяти минут. Тем не менее я иду быстро, пробираясь сквозь жаркие многолюдные улицы. Мимо водителей и мотоциклистов, мимо тракторий и магазинчиков модной одежды, мимо раскрасневшихся мужчин с подносами свежего белого сыра моцарелла для элитных ресторанов, где повара наслаждаются предобеденным перекусом, гуляя по боковым улочкам и украдкой покуривая за кипарисами в кадках.

Улицы расширяются, становясь более просторными, древними и запутанными. Виа Кьяйя плавно переходит в мраморные ступеньки и прогулочные площадки. Я в растерянности оглядываюсь. Мимо спешат по делам бизнесмены в изысканных костюмах, полицейские поедают огромную пиццу в летнем кафе. Здесь

город резко поднимается над уровнем моря. Стоп, я иду вверх или вниз? Взобравшись на один пролет по гладким древним ступенькам, я смотрю налево и направо. Начинаю уже волноваться, но нет. Стойте! Вот оно. Узнаю это место по фотографиям с сайта.

Громадное суровое здание шестнадцатого-семнадцатого века, с элементами готики и колоссальными стенами. Похоже на тюрьму, но очень красивую – персикового и коричневатого-красного цветов, окруженную пальмами, грандиозную и мрачную в лучах солнца. Читаю на табличке: «Палаццо Роскаррик».

Палаццо Роскаррик! Мне нравится, как это звучит. Сердце барабанит в ушах. словно во сне, иду по сужающейся улочке, приближаюсь к массивной двери. Мои неуверенные попытки постучать большим металлическим кольцом оказываются тщетными. Какая же я глупая! Будто сирота под дверьми исправительно-трудового лагеря. Все так нелепо. Нужно уходить.

Огромная дверь открывается. На улицу выглядывает мужчина в униформе. Кто он? Дворецкий? Камердинер? Я не сильно в этом разбираюсь.

Выглядит он озадаченным. Наверное, не ждал гостей. А может, я ошиблась дверью?

– Sì?

Вот и настал момент вспомнить школьный итальянский.

– Э... buon... э... giorno. Parla...

– Пожалуйста, вы можете говорить по-английски, – без какого-либо итальянского акцента произносит мужчина. Может, он британец. – Чем могу быть полезен?

– Э... Я хотела бы увидеть... э... мистера Роскаррика, в смысле, лорда. В смысле... – Как же жалко я выгляжу. Щеки мои вспыхивают румянцем. Не стоило мне приходить. – Я... э... американская студентка. Провожу исследовательскую работу. Я изучаю... «Каморру»... Нет, я имела в виду... – Что же мне сказать?

Слуга, если это, конечно, он, немного смягчается при виде моей паники. На его лице появляется сочувственная улыбка.

– А, милорд Роскаррик! Вы его хотите увидеть?

– Да.

– Что ему передать? Кто спрашивает?

Давай же, Алекс! Действуй! Не упусти свой шанс!

– Скажите, что пришла девушка из кафе «Гамбринус».

На секунду мужчина изгибает брови, а затем зазывает меня внутрь. Я прохожу сквозь грандиозные двери Палаццо Роскаррик. Того самого Палаццо Роскаррик, а не какого-либо другого.

Осматриваюсь по сторонам: здесь темно, сладковатый запах – от пчелиного воска и цветов, орхидей

или лилий. Над головой – сводчатый потолок. Чуть дальше – тенистый двор под открытым небом, где на солнце искрится вода в фонтане.

Появляется слуга:

– Лорд Роскаррик примет вас.

3

Иду следом за дворецким или камердинером. Не уверена, как правильно назвать его. Мы минуем залы и коридоры этого громадного здания.

Я с открытым ртом озираюсь по сторонам. Палаццо Роскаррик такое, каким я его себе и представляла, даже лучше. Вдоль стен висят огромные и строгие портреты знатных особ. Огромные комнаты ведут в другие, я мельком замечаю бальные залы и комнаты с высокими окнами, многие из которых закрыты ставнями. В коридоре очень изысканные обои, мятно-зеленые, с завитками – возможно, китайские – и очень старые.

– Прошу сюда.

Насколько же огромен этот дом? И насколько богат его владелец?

Мне хочется задержаться, рассмотреть все как следует. И полюбоваться. Здесь есть и массивная испанская мебель из орехового дерева, и более легкая, английская, георгианского стиля, и совершенно противоположная этому – в стиле модерн. Мрачные, старые картины перемежаются с абстрактным искусством – агрессивными полосами удивительных и очень характерных для двадцатого века цветов.

Сразу становится ясно, что здесь живет обладатель хорошего вкуса, молодой эстет. Здесь далеко не музей. Замечаю, что одна из стен украшена древними ружьями. По крайней мере мне они кажутся древними.

Слуга заводит меня за последний поворот, я прохожу сквозь огромные деревянные двери и ступаю в другой двор под открытым небом. Моему восхищению нет предела. Я зачарованно смотрю на величественную каменную двойную лестницу, поднимающуюся на целых пять этажей и напоминающую ребра позвоночника. Потрясающая архитектура и немного пугающая своей помпезностью.

– Раздваивающаяся лестница, в виде крыльев хищной птицы, типична для неаполитанского барокко. Спроектирована Фердинандо Санфеличе для моего предка, девятого лорда Роскаррика.

Голос, несомненно, принадлежит англичанину – мягкий, но в то же время глубокий и уверенный. Я знаю, это мой незнакомец, и стоит он прямо у меня за спиной. Неужели он шел следом, пока я, как потерявшая дар речи туристка, с вожделением смотрела на этот до неприличия красивый особняк? Наблюдал ли он за мной?

Его речь по-прежнему льется как вода.

– Лестница была спроектирована для лошадей, по-

этому она такая грандиозная. Когда кавалеристы возвращались в палаццо, то проезжали через главные южные ворота прямо во двор и поднимались по лестнице верхом. Лошадей обучили спускаться по второй лестнице и самим возвращаться в конюшню. Безумная идея, да?

Мой затылок горит под пристальным взглядом, щеки предательски краснеют. Сейчас мне совсем не хочется поворачиваться и смотреть в глаза этому мужчине, рассказывающему о лестнице для лошадей. Теперь босоножки кажутся нелепыми и дешевыми. Следовало одеться в бальное платье. Зачем я вообще пришла?

– Итак. Девушка из кафе «Гамбринус»... – Голос его смягчается, в нем появляется намек на улыбку. – Словно из романа.

Я все-таки поворачиваюсь. Он стоит передо мной. На его лице застыла легкая улыбка.

– Как и вы, – отвечаю я.

– Что?

– Это вы как из романа.

– Простите?

– Маркус Ксавьер Роскаррик, лорд Роскаррик. То есть в смысле...

Что за чушь я несу? Что, черт побери, творю?! Это почти оскорбление. Но мои мысли бешено скачут. Он

не отрывает от меня взгляда. Я отвечаю тем же. Слуги замерли в ожидании.

На нем джинсы из мягкого, потертого денима, элегантные английские туфли из коричневой кожи и наполовину расстегнутая хлопковая рубашка, слегка напоминающая времена Байрона. Одной пуговицы не хватает. Безупречно-белая ткань выглядит поношенной. Очень дорогая, сшитая на заказ и даже старинная рубашка. Цвет туфель гармонирует с загаром, а может, это естественная смуглость его кожи. Зубы ослепительно-белые.

Бледно-голубые глаза не так уж и холодны. Улыбка скорее даже дружелюбная, слегка отрешенная. По крайней мере он не в черном фраке или же в вампирском плаще с капюшоном. Может, мои босоножки не такие уж нелепые. Был бы он хоть капельку менее привлекательным. Ну хотя бы чуть-чуть. Ведь это перекор.

– Вы хотели поговорить со мной о «Каморре»?

– Да.

– А вы осознаете, что это довольно-таки прямолинейно? – лучезарно улыбается он. – Даже слегка опасно?

– Да... Наверное.

Я такая тупица! И к тому же грубиянка. «Довольно-таки прямолинейно»! Но уже слишком поздно, я

здесь, отступить некуда.

Кивнув, лорд Роскаррик поворачивается к слуге и что-то быстро и красноречиво говорит ему по-итальянски.

Я снова не могу оторвать взгляд от этого роскошного мужчины. Любуюсь им, нет, даже упиваюсь.

Потертые джинсы Роскаррика небрежно порваны над коленом – четко спланированный недостаток. Мне видна смуглая полоска кожи, как обещание скрывающегося за тканью зверя. Во рту пересохло.

Прекрати, Икс, возьми себя в руки. Разберись со своими мыслями. Он всего лишь красивый, загадочный тридцатилетний миллиардер-аристократ. В Неаполе. Подумаешь, такие на каждом шагу встречаются!

Роскаррик проводит рукой по черным волнам волос и снова поворачивается ко мне – это первый наигранный жест, который я за ним наблюдаю. Первый намек на тщеславие. Отлично! Теперь моя страсть слегка угаснет. Он тщеславен. Конечно же! Но его волосы такие кудрявые и... темные.

– Итак... на чем мы остановились? Простите за мою неучтивость. Можете называть меня Марк. Марк Роскаррик. А как мне к вам обращаться... мисс...

– Бекманн.

Его глаза по-прежнему вопросительно смотрят на меня. Наверняка он хочет услышать полное имя. За-

икаясь, я выдавливаю из себя:

– Александра. Бекманн. Зовите меня Алекс. Или Икс. Для всех я Икс.

– Икс? Правда?

– Да. Икс.

– Значит, не роман. Больше напоминает шпионский триллер.

– А кто злодей?

Лорд Роскаррик на секунду замолкает, а затем раздаётся его мягкий, веселый смех. Заразительный смех. Ослепительно-белые зубы, ослепительно-голубые пронзительные глаза. Да, он определенно зверь, излучающий энергию, хищник, ястреб, которого не посадить под замок. Его ледяные глаза чуть прикрыты. В них таится мощь и опасность. Возможно, он не тщеславен, а напряжен и оживлен одновременно. Я снова сдаю позиции. Его рубашка небрежно заправлена в джинсы, местами не застегнута. Мой взгляд падает на кусочек загорелого рельефного живота.

– Per favore ¹³... – Марк говорит со слугой на беглом итальянском. Я отворачиваюсь, делая вид, что разглядываю взметнувшуюся к небесам каменную лестницу с люнетами, волютами и причудливыми завитками в стиле барокко.

Пытаюсь сосредоточиться, но я слишком взволно-

¹³ Пожалуйста (*um.*).

ванна.

– Что ж, Икс, – произносит Марк с долей сарказма, но без злости. – Мы можем выпить по чашечке кофе в Галерее. Вы бы допросили меня и выяснили, являюсь ли я *camorrista* или нет.

Он ведет меня за собой, слуга незаметно исчезает. Путь не слишком долгий, мы поворачиваем налево, затем направо, и уже не в первый раз я восхищенно округляю глаза.

Комната соответствует названию: просторная и продолговатая галерея, декорированная деревянными панелями. Сквозь высокие окна сочится яркий свет Неаполя, на стенах современная абстрактная живопись вновь чередуется с работами старых мастеров. Мой взгляд останавливается на одной из картин: обнаженная женщина с молочной кожей стыдливо прикрывает низ живота алым шелком, нельзя не заметить ее соблазнительных изгибов.

– Да, это Тициан, – проследив за моим взглядом, говорит Марк и выдвигает для меня стул. – Еще есть парочка картин кисти Мантеньи. И много Ватто. И Буше. Слишком много Буше. Чем эротичнее, тем лучше. Нагота во французском искусстве. Мои предки были такими развратными. – Он смеется. – Но если б не их сексуальная ненасытность, меня бы, пожалуй, на свете не было.

– Простите?

Я присаживаюсь и роюсь в сумке в поисках блокнота. Можно хотя бы притвориться, что я здесь ради исследования, а не ради нелепых попыток заигрывания.

– Простите?

Марк тоже присаживается и вальяжно кладет ногу на ногу. Я крепко стискиваю ручку. Нас разделяет лишь низкий мраморный стол. Сквозь огромные окна сочится свет, покачиваются на легком ветерке ажурные занавеси. Мне жарковато, майка липнет к телу.

– Мои родственники по отцовской линии – англичане. У нас имение в графстве Нортумберленд, но в восемнадцатом веке девятый лорд Роскаррик по кличке Безумный отправился в Гран-тур и влюбился в Италию, а когда устал от всей этой сырости в Англии, то приехал жить в Неаполь, сюда, в палаццо. – Марк делает взмах рукой. – Однако, как сказал Гете: «Увидеть Неаполь и умереть». Через несколько месяцев после переезда девятый лорд Роскаррик подцепил сифилис, затем сошел с ума, попытался укусить игрока на клавесине при дворе во времена Бурбонов – и в приступе безумства испустил дух.

Я наспех записываю каждое слово. Речь Роскаррика быстрая и очень четкая.

– Но страсть к неаполитанской жизни и здешним женщинам стала частью нашего ДНК. С тех пор Рос-

каррики заключали браки лишь с местной аристократией.

На лице Марка на мгновение появляется едва уловимое, но совершенно иное выражение – сильного душевного страдания. Правда, оно тут же исчезает, будто облачко в ясный летний день, и я вновь вижу учтивую, дружелюбную улыбку. Еще некоторое время лорд Роскаррик говорит о своих предках, о коллекции произведений искусства, палаццо, дуэлях и пьянке, делится забавными случаями. Я рассказываю немного про себя: про свое увлечение историей, поэзией, политикой. Он вежливо слушает и улыбается, когда надо.

И хотя наш разговор очень занимательный, я не перестаю думать о другом. Я видела. Видела вспышку боли и трагических воспоминаний на его лице. Что это было? Почему никто не поможет ему? Почему он не найдет кого-нибудь, чтобы излечить свои раны? Может, он их отпугивает, как пугает и меня.

Я вдыхаю идущий от него аромат, наверное, это очень изысканный одеколон, ничего резкого. Запах соблазнительный, но ненавязчивый. Свежий, но отличный от других. Я вдруг понимаю, что как раз это и одурманивает меня: от Марка пахнет восхитительной, неповторимой чистотой. Как же мы с ним не похожи: он выше меня где-то на голову, его рост – более

шесть футов против моих пяти футов и пяти дюймов. И он сильнее. Богаче. Немного старше. Со щетиной. Гордый. Но все-таки в его сердце живет боль, нуждающаяся в исцелении.

В комнату заходит слуга и ставит серебряный поднос на мраморный столик. Пытаясь избавиться от ненужных мыслей, я пью невероятно вкусный черный кофе с легким привкусом шоколада. Ничего у меня не выходит. Чувства помыкают мной, как рабыней. Голова идет кругом. Я словно под пристальным взглядом тайной полиции. Меня не покидает безумная мысль, что я встретила родственную душу. Нам так хорошо, когда мы вместе смеемся. Марк будто недостающий кусочек в моей мозаике. Но возможно ли это?

Успокойся, Икс!

– Почему вы заплатили за наши напитки?

Он легонько кивает, как если бы я задала справедливый вопрос.

– Я заметил, что вашу подругу явно ужаснул счет. Мне захотелось помочь. У меня достаточно денег, и я люблю помогать.

– И...

– Давайте начистоту. Есть другая причина... Почему бы мне не купить «Венециано» для красивой молодой девушки?

Сердце сейчас выскочит из груди, моя оборона па-

ла. Все это слишком быстро, слишком резко, слишком дешево. Он пытается соблазнить меня. Ладно, может, я и хочу оказаться соблазненной, и в то же время не хочу. Не так грубо, а иначе. Я молча откидываюсь на спинку стула. Марк смотрит на меня с улыбкой:

– Ваша подруга и впрямь очень красива.

– Что?

– Милая девушка. Я не сдержался. Простите.

– Ах...

– Как ее зовут?

Теперь меня охватывает злость. Какая же ты глупая, Алекс!

– Джессика.

– А-а... Она тоже американка?

– Нет, англичанка.

– Так я и думал. И уж точно она любит выпить. – Он вежливо смеется. – Извините меня за откровенность. Надеюсь, я никого не обидел. Так вы хотели спросить меня про «Каморру»?

От злости все мышцы моего лица стягиваются. Я понемногу отпиваю кофе и внутренне негодную. Значит, он не пытался соблазнить меня. Не пытался меня соблазнить. Он думал, я Джессика. Какая ужасающая нелепость! Я так сердита на себя, на эти глупые эмоции! Все дело было в Джессике. Девушка из кафе «Гамбринус». Он согласился на встречу, потому что

подумал, к нему пришла Джессика. А со мной общается лишь из вежливости и ненавязчиво пытается уни- зить.

Дура, вот же дура! Тупица!

Наше интервью подходит к концу. Кофе закончил- ся. Лорд Роскаррик рассказывает про импорт и экс- порт – именно так он превратил семейные миллионы в миллиарды. С напускной скромностью он добавля- ет, что любит содействовать благотворительным ор- ганизациям – особенно тем, что поддерживают жертв преступности. Все это очень мутно и не сильно меня волнует. Делаю вид, что записываю. Возможно, лорд Роскаррик врет, а на самом деле он лишь симпатич- ный гангстер, который пытается замести следы. Да и кого это заботит? Я полная идиотка. Он говорит, что любит Калифорнию, пустыни на Юго-Западе: настоя- щую Америку, фронтир. Он использует слово «фрон- тир». Меня тошнит от этого.

Лорд Роскаррик, очевидно, улавливает мою нелов- кость. Резко встает, прощается и дает мне визитку: чтобы я звонила, если понадобится какая-либо ин- формация. Натянута благодарю его, испытывая по- требность присесть в реверансе или же поругать себя за бестактность, но вместо этого я тоже прощаюсь и, отказавшись от сопровождения, бегу вниз по холод- ным и широким мраморным ступенькам. Маршрут я

помню: налево и направо, налево и направо, через зал, вниз по коридору, мимо нелепой вычурной коллекции оружия. Скорее уйти отсюда, уйти, уйти!

Солнце припекает. Я выхожу на шумную улицу. Смотрю на свой несуразный блокнот и кидаю его в огромную кучу мусора.

Затем замечаю полицейского с фотоаппаратом. Он снимает меня.

4

– Сколько там было копов?

– Кажется, трое... Я была совсем сбита с толку.

Мы с Джесс сидим на полу в ее квартире, по соседству с моей. В воздухе витает едкий запах лака для ногтей. Мы решили сделать себе домашний педикюр. И впервые нормально поговорили о том, «что случилось в палаццо» после моего побега оттуда два дня назад.

– Что ж, как я и говорила, ходят слухи о его причастности, – произносит подруга и машет рукой в сторону высокого французского окна, за которым открывается город. – Половина того, что прибывает в порт, – контрабанда. А разве он не этим занимается? Экспорт да импорт. – Она утвердительно кивает. – Правда, в Неаполе чертовски сложно преуспеть в бизнесе без поддержки банды. Все так или иначе с ней связаны. Даже голуби на виа Данте и те иногда выглядят слегка хитренькими. Смотрят на тебя так, будто что-то замышляют. Боже, они когда-нибудь высохнут?

Джесс берет журнал и, как веером, машет им над ногтями. Повсюду, среди журналов и книг в бумажном переплете, разбросаны ватные шарики. В квартире подруги, как всегда, беспорядок. Когда мы де-

лили комнату в Ганovere, меня раздражала ее нечистоплотность. Теперь же я живу по соседству, и такое разгильдяйство мне даже по душе. Самое важное – оно неизменно. В этом безумном мире Джессика, моя лучшая подруга, остается все той же: умной, веселой, практичной и привлекательной. Я совсем не против, что именно она понравилась чертову Маркусу Роскарику.

Она.

Наши мысли идут в одинаковом направлении. Джесс переводит взгляд с вишневых ногтей на меня и говорит:

– Значит, он правда считает меня красивой?

И хотя я люблю Джессику, все равно испытываю укол зависти. В ее циничном взгляде я улавливаю нотку самодовольства.

– Да. Он действительно назвал тебя красивой...

Моя улыбка чересчур широкая и совсем не убедительная.

– Джессика Раштон. Зеница ока миллиардера? Нужно срочно подстричься.

– И что собираешься делать?

– Не знаю. Может, переспать с ним?

– Джесс...

Она хохочет, а потом вдруг замолкает и с серьезным видом смотрится в зеркало, что стоит у голой сте-

ны.

– Ну, правда, мне нужно к парикмахеру, если я буду появляться на страницах глянцевого журнала. – Она теребит в руках локон с секущимися кончиками и придирчиво смотрит на него. – Красавица Джессика Раштон расскажет нам о своей великолепной кухне, сделанной на заказ за сто триллионов долларов после развода с лордом Роскарриком. – Подруга кидает на меня взгляд. – Сможем купить «феррари». Я подарю тебе «феррари». Милая, прости, я знаю, что он тебе понравился.

– Нет-нет, Джессика, не глупи. – Опять я в неловкой ситуации, еле сдерживаю слезы.

И как этому идиоту удалось погрузить меня в столь жалкое состояние? Я совсем не знаю его. От него исходит скрытая угроза. Да, он мне понравился. Правда. Тогда. Мое сердце издало зов, и, как мне показалось, на него откликнулись. Теперь же мне так одиноко. Ах!..

Надеваю босоножки и собираю в кучу остатки разума.

– Правда, я в порядке. Я в Неаполе. Мне двадцать два года. У меня превосходное образование. *Avanti!*¹⁴

– Вот умница!

– А теперь я собираюсь поработать. Я же здесь ради работы.

¹⁴ Вперед! (*ит.*)

Я так и делаю: работаю.

* * *

На следующие две недели я погружаюсь в размеренный и плодотворный рабочий ритм, уделяя лишь немного времени развлечениям. По утрам занимаюсь в своей светлой и солнечной квартире. Усердно занимаюсь. Хотя бы это у меня получается.

Сидя среди разбросанных книг, ноутбука и одноразовых стаканчиков от отвратительного капучино, я пытаюсь отбросить все мысли о мужчинах и сосредоточиться на спряжении глаголов «credere» и «partire»¹⁵ и структуре времени «futuro semplice»¹⁶.

Завтра ты приготовишь пасту путанеска.

Domani prepari la pasta alla puttanesca?

Так обычно проходит часа два.

После итальянского я принимаюсь за диссертацию. Между одиннадцатью утра и часом дня я изгоняю из памяти «лазурные, как Тирренское море» глаза Роскаррика и проверяю информацию о преступных организациях Южной Италии, особенно о «Каморре», хотя меня также привлекает более опасная и загадочная

¹⁵ Верить; уходить (*ut.*).

¹⁶ Будущее простое время глагола (*ut.*).

«Ндрангета», мафия с самого юга страны.

«Ндрангета» – это преступная организация, сосредоточенная в Калабрии. Она менее известна, чем сицилийская «Коза Ностра» или неаполитанская «Каморра», но, пожалуй, является самой влиятельной группировкой в Италии с начала двадцать первого века...

Само сочетание букв «ндранг» интригует меня. Манит, как табличка «Палаццо Роскаррик».

Принципиальное различие между группировками мафии заключается в методах вербовки. «Ндрангета» выбирает новичков, исходя из кровных уз. Отсюда развитая система кланов и неуязвимость для полицейских расследований. Сыновья 'ndranghetisti обязаны идти по стопам отцов...

Значит, членство в группировках напрямую зависит от кровных уз. Это наследственное?

Я невольно думаю о Роскаррике и его рассказах о безумном девятом лорде. Марк вполне подходит под описание. Но тогда все дело в крови – кровные узы, наследие. Все друг другу родственники. А я человек из внешнего мира. И хочу узнать больше.

К обеду голова уже не соображает, решаю переключиться. После полудня я, как обычно, надеваю короткие носки, кроссовки и легкомысленное летнее платье от «Зары» и отправляюсь исследовать запутанные

и древние лабиринты внутреннего Неаполя. Именно там «Каморра» черпает свою силу, вербует киллеров и развязывает охоту на врагов.

Не слишком ли смело я брожу по столь смертельно опасным местам? В Штатах я бы не додумалась гулять в одиночку в неблагоприятном районе большого города. И тем не менее я не чувствую угрозы. Почему? Возможно, причина в том, что здешние трущобы манят и очаровывают мрачной, хаотичной, обращенной на солнце бедностью. Здесь сложно ощутить опасность.

Гуляя по узким оживленным переулкам Спакканаполи или Испанского квартала, похожим на декорации оперетты, я будто становлюсь персонажем итальянского фильма, снятого лишь для Господа Бога, фильма под названием «Италия». Здесь все такое настоящее! У дверей домов сидят женщины и, громко сплетничая о сексе, чистят над ведром картошку и мохнатых синих мидий. Пожилые дамы в черном меняют цветы и лампочки в стеклянных алтарях Девы Марии. Хорошенькие мальчуганы поедают треугольники пиццы прямо на небесно-голубых скутерах «Ламбретта», они слегка наклоняются вперед, чтобы *romodoro* не упал на их дорогие штанишки; высоченные *feminelli* – транссексуалы – ковыляют на каблуках по черным булыжникам из вулкана Везувий, торопясь к парому ра-

ди выгодной встречи с богачом на острове Искья или Капри.

Менее привлекательны неестественно тихие, заваленные мусором пьяцца в районе Матердеи, где при моем появлении исчезают за поворотом упитанные полупьяные мужчины в деловых костюмах. Я остаюсь в одиночестве на этом зловеще тихом солнцепеке сесты, в платье от «Зары» и со старым плакатом Диего Марадоны перед носом.

А затем, конечно же, происходит невообразимое!

Сегодня четырнадцатый день с начала моего жесткого рабочего режима, в котором нет места для мыслей о *нем*. Все идет на удивление хорошо. Я нахожусь в Испанском квартале. У меня небольшое похмелье. Пройшей ночью неподалеку от университета мы с Джессикой и ее итальянскими друзьями пили дешевое вино «Перони» и «Раффи». Отлично провели время, повеселились. О *нем* мы больше не разговаривали и старательно избегали кафе «Гамбринус», как, впрочем, и другие фешенебельные и дорогие места, где можно с *ним* столкнуться.

Но сегодня утром у меня легкое головокружение. К тому же я потерялась. В итоге я забрела в безлюдный и темный, как открытая пасть, тупик. Смотрю наверх, на голубую полосу неба, зажатого между высокими домами трущоб. Какая жара! На едва ощутимом ве-

терке покачивается белье. Я очень хочу пить. Смотрю на вызывающе яркие трусики и эротичное дамское белье – красное, синее, черное, – что колышется на воздухе, будто анархичные знамена сексуальности.

– Эй!

Я оборачиваюсь.

– Soldi!

– Dacci i soldi! ¹⁷

В конце переулка стоят четверо детей – нет, подростков. Метрах в пяти от меня. Долговязые и тощие. Подходят ближе, они хотят денег. Моего скудного итальянского достаточно, чтобы это понять.

«Отдавай деньги!»

Я разворачиваюсь и тут же прихожу в отчаяние. Со всем забыла, что я в чертовом тупике. Нервно смотрю вверх. Может, кто-нибудь стоит у окна, дышит свежим воздухом. Но слышу я лишь звук закрываемых ставен. Люди отворачиваются, уходят. Не смотри, не становись свидетелем, держи рот на замке. Омерта.

– Dacci i soldi!

– Но у меня нет денег!

Почему я так поступаю? Почему сопротивляюсь? Эти малолетки наверняка наркоманы. Четверо из тысячи таких же пристрастных к героину неаполитанцев, рабов «Каморры». Грязные джинсы, желтушные лица,

¹⁷ – Деньги!– Дай нам деньги! (ит.)

красные глаза – да уж, плохие новости. Им всего-то нужно пару евро на дозу. Так ведь?

Но у меня мало денег, я много работала, чтобы скопить их. Поэтому мне вдруг хочется дать отпор.

– Денег нет! Оставьте меня!

– Васса, – с ухмылкой говорит один из пареньков, самый высокий и худощавый. – *Vassa Americana!*

«Американская корова».

Будь они неладны! Уже готовлюсь побежать напролом, крича во все горло, просто пробиться сквозь их компанию. Вот что я должна сделать. Бежать и пробивать путь к главной пристани Испанского квартала, где в резиновых сапогах стоят торговцы рыбой и выливают на мощенную темным булыжником дорогу серебристую чешую и рыбью кровь – блестки на красных волнах.

Один из наркоманов достает нож. Длинный и кровожадный, он сверкает на жарком южном солнце, что все ниже сползает по полоске неба над трущобами.

Паренек улыбается.

И тогда я понимаю, что все намного хуже простого ограбления.

5

Вот черт! Стану сопротивляться, они запросто убьют меня, даже ненамеренно – но этот сверкающий нож... Длинный и зловещий.

Один из худощавых парней, со свежей и некачественной татуировкой на шее, похожей на лишай, делает шаг вперед. Хочет загнать меня в угол. Будто я очередная крыса в неаполитанском переулке.

Нож – продолговатый и твердый, как фаллос. В отчаянии смотрю на небо, откуда нет спасения, затем на безжалостную темноту переулка за спинами подростков. Нет. Надежды нет ни там ни здесь – игде. Я сама по себе.

А вдруг получится вымолить спасение, прибегнув к тем итальянским словам, которые я знаю? Обращаюсь к лидеру шайки, пристально глядя на него.

– Per l'amore del cielo – во имя любви Господней, я умоляю тебя – ti prego di tutto cuore.

Из горла паренька вырывается омерзительное кудахтанье, слабо напоминающее смех.

– Ah, bellezza, bellezza!¹⁸ – Он поворачивается к своим улыбающимся приятелям, затем снова смотрит на

¹⁸ Здесь: красотка, красотка! (*ит.*)

меня. – Чертовски секси. Si? Девчонка секси.

Может, он ничего больше не знает по-английски.

«Чертовски секси».

Во мне вспыхивает страх. И ярость. Мерзавец всего в паре метров, в паре секунд от моего тела, которое он собирается облапать. Я уперлась спиной в старую сырую стену. Такую темную, обособленную и холодную, будто ее никогда не касалось солнце. Его лучи вряд ли проникали так глубоко в трущобы, как и в сердца этих парней. Еще один подросток похотливо улыбается и говорит:

– Divertiamoci...

Что переводится примерно как «поиграем». Я понимаю, что на самом деле они затеяли. Грязные ладони касаются моей руки, тянут за платье в попытке его сорвать. Под веселые возгласы легкая ткань падает с одного плеча, обнажая бюстгальтер. Вторая ладонь пытается нащупать грудь, бретельку бесцеремонно поддевают ножом.

Я кричу ругательства в их адрес и прикрываюсь. Снова ругаюсь.

Мальчишки лишь смеются в ответ. Они окружили меня со всех сторон, такое ощущение, что их не меньше десяти. Их руки повсюду: хватают меня за волосы, лапают за ноги, пытаются разжать кулаки на груди.

– Прекратите!

Я отбрыкиваюсь и размахиваю руками. Мне плевать, что их больше, а я зажата в угол. К черту их! Не позволю прикоснуться ко мне! Не позволю «поиграть» со мной!

Отчаянно, извиваясь, как змея, пытаюсь вырваться. Но их просто слишком много: четверо долговязых и ухмыляющихся итальянских подростков. Возможно, с одним подонком я еще справилась бы – ударить коленом в пах, потом повалить на землю. Но с четверыми? Слишком много. Я тону под грузом их рук, они тянут за подол платья, лапают мои бедра...

– Нет, прекратите! Стойте! Умоляю! Пожалуйста!

Они смеются, их смех эхом разносится по пустому переулку, отражаясь от разбитых окон и крошащейся стены. Мой рот накрывает холодная ладонь, не давая крику вырваться наружу. В голове проносится мысль: не помолиться ли мне? Я уже давно не молилась, может, пришло время. Но затем я цепляюсь за последнюю надежду: кусаю ладонь, что зажала мой рот, и ору во все горло: «Я знаю Марка Роскаррика! Он мой друг! Lui и mio amico!»

Реакция молниеносная. Парни замирают на месте. Убирают руки. Главарь подозрительно щурится на меня, будто пытается проверить, лгу я или нет. Другой качает головой:

– Guarro ¹⁹.

Остальные кивают – бледные, страшные лица в темном переулке.

– Я знаю его! – снова кричу я. – Роскаррик! È un buon amico! ²⁰

Но это не срабатывает. Я не убедила их. Либо они считают, что я вру, либо им плевать. Может, имя Роскаррик ничего для них не значит. Ухмылки превращаются в оскал. Парни опять надвигаются на меня – с новым интересом. Вновь зажимают рот грязной ладонью, водят рукой по телу, я почти сдаюсь. Вот, думаю я, именно так это и происходит, вот как чувствуешь себя при изнасиловании. Мой рассудок затуманивается, я закрываю глаза и тону в океане боли и унижения...

– *Lasciala sola.*

Что?

Это новый голос: «Отпустите ее».

– *Coniglio!*

«Трус».

Кто это?

Я вижу, как на одного из подростков обрушивается кулак. Паренька отбрасывает в сторону, будто его выдернуло некое божество или великан. Подросток в буквальном смысле отрывается от земли и падает

¹⁹ Бандит, громила (*um.*).

²⁰ И он хороший друг! (*um.*)

на землю. Главарь шайки оборачивается и с ужасом кричит, но кулак настигает и его, от ударов шея с татуировками вертится из стороны в сторону. Повсюду, словно красные чернила, кровь.

В сумраке переулка вижу суровое, но красивое лицо. Кто это? Не Роскаррик, никто из знакомых мне мужчин. Но он вмешался: хорошо одетый, в компании молодых товарищей. Они ввязались в драку с подростками. Один наркоман со стоном повалился на грязные булыжники, другие еще пытаются дать отпор. Я прижимаю к себе порванную одежду и ищу взглядом, куда мне убежать. Все это омерзительно. Драка в самом разгаре. Кого-нибудь обязательно порежут.

Но затем раздается другой голос – очень мужественный, более взрослый и надменный, все стихают.
– Cazzo! Porco demonio!²¹

Вот это точно Роскаррик, ошибок быть не может. Он мчится к нам – сверкают белые зубы, лицо потемнело от злости. В его пронзительно-голубых глазах непередаваемая ярость.

Реакция подростков шокирует. При виде Марка их буйный оборонительный настрой тут же испаряется. Они переглядываются, затем в отчаянии, как перепуганные малыши, смотрят на Марка. Роскаррик подходит к главарю шайки и со всей силы бьет его кулаком

²¹ Вот дерьмо! Чертова свинья! (*um.*)

по лицу. Раз, но крепко.

А потом его губы расплываются в улыбке.

Марк улыбается! И эта улыбка таит в себе больше угрозы, чем удар. Подросток всхлипывает. Слезы льются по щекам, из носа струится кровь. Ссутулившись, он отходит к стене. Парень скован страхом. Страхом перед Марком Роскарриком. Никогда раньше я не видела такого выражения лица: будто он знает, что умрет.

Почему он так перепугался? Кто такой Марк Роскаррик, если смог нагнать столько ужаса на паренька?

В голове слишком много вопросов. Я сдерживаю слезы страха и, поправляя одежду, по-прежнему наблюдаю за сценой. Подростков за воротники оттаскивают с «места преступления», будто провинившихся школьников перед наказанием. Хлопают дверцы дорожного автомобиля, следом раздается визг колес по мощеной дороге. Наступает тишина.

Теперь в переулке лишь мы с Марком Роскарриком. На нем молочного цвета льняной костюм и голубая рубашка, на мне – порванное платье. Я выгляжу жалко и уязвимо, тем не менее я спасена.

В его взгляде буря эмоций: ярость и сострадание.

– Икс, ты в порядке? Мне так жаль. Очень жаль, прости.

– Но... но...

Я уже проверила, нет ли травм. Все в порядке. Пара синяков и царапин. Но на душе – боль, злость, растерянность. Кто этот мужчина, что сначала отвергает меня, а потом спасает?

Мне нужно выяснить!

– Откуда ты узнал, где я? Как? Как?... Я не понимаю, что происходит!

Марк осматривает меня – отнюдь не сексуальным взглядом, скорее оценивающе, как врач. На голых коленках ссадины. Смотрю вниз, на живот, где на голубой ткани платья остались брызги крови. Но это не моя кровь, а того парня, главаря шайки, которому так технично врезал Марк.

Ну и потасовка. Я по-новому смотрю на Роскаррика. Может, он и аристократ, но есть в нем нечто первобытное. Нет, не первобытное, но определенно суровое, ничем не облагороженное. Вспоминаю рваную штанину на его джинсах при нашей последней встрече и лоскуток загорелой упругой кожи. Зверь, скрывающийся под маской цивилизованного мужчины. Само его присутствие парализовало тех наркоманов.

Не знаю, что и думать.

– Александра, тебе нужно к врачу?

Мой мозг понемногу возвращается к нормальному состоянию.

– Нет. Я... в порядке... наверное. Они не... Они не

зашли так далеко... Ты подросел вовремя... но я не...

– А что насчет полиции? Ты хочешь туда обратиться?

Я замолкаю в нерешительности. С одной стороны, мне хочется кричать во все горло от злости с горы Везувий, с другой – незамедлительно обо всем забыть: ведь произошло это исключительно по моей глупости. Я сама отправилась на прогулку по злачным трущобам этого полного опасностей города, знаменитого своей преступностью не меньше, чем головокружительными красотами. Безмозглая девчонка, наивная и глупая янки за границей.

– Дай мне подумать про полицию. Я пока не знаю.

Его улыбка мрачная и виноватая. Пришло время задать по-настоящему волнующий меня вопрос:

– Но как... – Мне действительно нужно знать правду. – Как ты нашел меня?!

– Прости, Икс, понимаю твою растерянность. С твоего прихода в палаццо я не перестаю думать о тебе.

Он что, покраснел? Нет, показалось. Но его обычное самообладание явно пошатнулось. Марк взмахивает рукой, будто отгоняя смущение:

– Позволь забрать тебя отсюда, приведешь себя в порядок, а потом я угощу тебя обедом. И все объясню. Кто такой Марк Роскаррик? Что происходит?

Мне плевать. Плевать мне! Только что краса-

вещь-мужчина спас меня от собственной глупости и кое-чего похуже – даже думать об этом не буду, а теперь предлагает помочь. Я слишком ранима сейчас, чтобы отказываться. Мне хочется просто ему подчиниться.

– Да, – говорю я. – Пожалуйста, отвези меня домой.

Несколько мгновений он молчит, затем кивает. Берет меня за руку, подносит ее к губам и нежно целует. Тишина между нами растет. Как же я хочу, чтобы он снова поцеловал мне руку. Всего лишь поцелуй...

6

Нет. Я отдергиваю руку, как прокаженная. Во что я ввязываюсь? Я не доверяю собственным желаниям. Меня еще немного трясет после нападения.

Показываю на окровавленное платье:

– Я хочу вернуться к себе.

– Конечно-конечно, – заботливо кивает он. – Тебе нужно переодеться. Иди за мной, Икс, я припарковался на виа Сперанцелла, метрах в ста отсюда.

Не знаю, чего ожидать. «Мазерати»? «Бентли»? А может, карету с лошадьми и ливрейным лакеем? Серебристо-синий автомобиль Марка – сдержанный, но очень дорогой «мерседес» спортивной модели: шикарный, быстрый, изящный, блестящий. Небольшая роскошная машина для узких грязных улочек.

Сажусь рядом с водителем. В машине все пахнет им: чистотой и изысканностью, с ненавязчивым ароматом одеколона – божественным и едва уловимым. До Санта-Лючии мы добираемся за считанные минуты, мимо трущоб и бульваров, миниатюрных *bassi* – крошечных домиков бедняков – и высокоэтажных зданий в неоклассическом стиле более нового района Неаполя.

Едем почти молча. Не знаю, что сказать. Я слыш-

ком измотана, опустошена. И меня слишком уж тянет к Марку Роскаррику. Неужели я паду жертвой своей чувственности? Прекрати, Икс! Он всего лишь обычный мужчина.

Но безжалостно сексуальный.

Он уверенно ориентируется в сумасшедшем дорожном движении Неаполя, с полным спокойствием лавируя между многочисленными «фиатами чинквеченто». Марк мельком смотрит на окровавленный кулак. Затем коротко усмехается:

– Боже правый, выгляжу как боксер после шести раундов. Не собирался бить его с такой силой.

Слова Марка побуждают к разговору. У меня накопилась уйма вопросов.

– Кто он? Кто они?

– Как говорят местные женщины: «Si buca sai, renzo si buca».

– Что, прости?

– Bucarsi, – говорит он и качает головой. На его лице ни тени улыбки. – Дословно – проделывать в себе дырки.

– В смысле, наркоманы?

– Да.

По крайней мере я не ошиблась. Любители героина. Искали, как получить дозу, а нашли кое-что поинтереснее. Даже не знаю, как к ним относиться. Нена-

видеть или жалеть? Испытываю и то и другое.

– Что будет с этими... наркоманами? Кто те люди, что помогли мне?

– Мои друзья и помощники. Первым до тебя добрался Джузеппе. Мой слуга.

– Что твои помощники с ними сделают?

– Не беспокойся, мои «собратья» никого не убьют, – пожимает плечами Марк. – Всего лишь припугнут их гневом Господним.

– И что потом? Их отдадут полиции?

– Карабинерам? – Марк отрицательно качает головой. – А смысл? Чтобы разместить всех наркоманов, им придется построить тюрьмы отсюда до Палермо, тем более что половина полиции коррумпирована. – Он резко поворачивает налево, на мою улицу, и паркуется. – Нет, – говорит Марк, – мы позволим им уйти, но преподав хороший урок. Вряд ли они станут после этого нападать на женщин. – Он вздыхает. – До кого я действительно хочу добраться и засадить за решетку, так это до подонков, что снабжают хулиганов героином. «Каморра». «Ндрангета». – Его красивое лицо искажается злостью, наводя страх. Марк поворачивается ко мне: – Икс, я так ненавижу их. Они отравляют все, к чему прикасаются. Этот город мог бы быть прекрасен, но в большинстве случаев он отвратителен. Посмотри, что случилось с тобой. – Он поворачивает

ключ, и мотор замолкает. – Приехали. Я подожду тебя в машине, хорошо?

– Подождешь?

– Я хочу отвезти тебя на обед.

– Но...

– Если ты, конечно, в состоянии. Я хочу объяснить-ся, и желательно самым культурным способом. – Я зачарованно смотрю на твердую линию его подбородка. – И помимо этого, Александра, думаю, тебе не стоит сейчас оставаться одной.

Я в растерянности. Мне и впрямь хотелось бы перекусить, а еще лучше выпить спиртного, чтобы выжечь из памяти сцену нападения. Возможно, Марк прав. Мне не нужно оставаться одной.

– Да... – отвечаю я. – Да, хорошо, но...

– Собирайся, сколько нужно.

Я выхожу из машины, бегу наверх по ступенькам и устремляюсь в душ: смыть с себя прикосновения грязных рук, что лапали меня, смыть все воспоминания о сегодняшнем утре. Затем переодеваюсь в новое платье от «Зары»: темно-синее, отделанное ажурной вышивкой. Мне хочется выглядеть нежной и красивой. Через десять-пятнадцать минут я готова. Стою посреди комнаты: тихая, задумчивая, печальная. Нужно выкинуть из головы последние события.

Каким-то образом мне все-таки это удастся. Через

мгновение я уже сижу в «мерседесе». Проезжаем пару сотен метров. Марк останавливается и выпрыгивает наружу. Мы припарковались на набережной, ведущей к небольшому мосту, который, в свою очередь, ведет к Кастель-дель-Ово.

Я столько раз смотрела на этот каменный причал, на замок, что величественно сокрушает море. Я читала о его истории: он построен там, где, по легенде, на пустынный берег Средиземного моря вынесло прекрасную русалку. Из замка вырос целый город, новый город сибаритских греков – Нео-Полис. Новый Город. Неаполь.

Правда, это мой первый визит на «остров».

Марк, словно шофер, открывает мне дверцу, и мы идем через великолепный каменный мост к замку, охраняемому железными воротами. Затем уходим влево.

К своему восторгу, я вижу вереницу симпатичных летних ресторанчиков, пристроенных к стенам замка. Укрытые под сине-белыми тентами, они выходят на Неаполитанский залив.

Мы садимся за столик первого же ресторанчика. Официантка встречает Марка лучезарной улыбкой, в то время как еще одна девушка пододвигает мне кресло. Я сажусь и попадаю в приятную тень зонтика.

– Signorina, buongiorno ²² – е, Signor Roscarrick!

Очевидно, что Марк – завсегдадатай здешних мест. Его приезд вызвал небольшой, но ощутимый переполох среди других посетителей, а в особенности среди персонала. Интересно, скольких женщин он сопровождал к этим столикам под ярким итальянским солнцем, на столь приятном и ласковом бризе.

Да мне и не важно. Грызя традиционные итальянские хлебные палочки – гриссини, – я смотрю по сторонам и вздыхаю. Ужасы последнего часа постепенно выветриваются.

Если что и может успокоить смятенную душу, так именно такое место. Здесь потрясающий вид: передо мной с рыцарской щедростью предстает восхитительная бухта, от древнего, ослепительного в своем величии центра Неаполя, мимо нависших высот Везувия, к скалам и пляжам Вико и Сорренто. На мягком ветерке развеваются итальянские флаги, по роскошным лазурным водам курсируют яхты, элегантно одетая полиция рассекает на моторных катерах морскую гладь, оставляя за собой изящные V-образные следы. Я люблюсь полотном под названием «Средиземноморская идиллия».

– Здесь очень мило, – произвольно говорю я.

– Тебе нравится? – Марк, кажется, искренне рад.

²² Добрый день, синьорина (*ит.*).

Его белозубая улыбка идеально вписывается в общую картину. Океан? Есть. Солнце? Есть. Красивый мужчина? Есть! Все на месте. Хмм...

– Официантка знает тебя, так? Наверное, часто здесь бываешь...

В моем вопросе сквозит явная подозрительность. Ругаю себя за грубость. Тем не менее Марк отвечает непринужденно и благосклонно:

– Я знаю хозяйку. Это синьора Манфреди. Ее муж был полицейским. «Каморра»... убила его. – Марк качает головой и опускает взгляд на меню, но я уверена, что он знает там каждую букву. Просто прячет свои эмоции. Несколько секунд он молчит, затем его лицо вновь проясняется. – Я помог ей основать это заведение, предоставив небольшой заем. В ответ она пообещала подавать все мои любимые блюда. И мои вина. Посмотри. – Марк наклоняется вперед и указывает на что-то в меню. – Видишь это?

Пытаюсь прочитать название. Невероятно сложное.

– Pesci ang... basilic... – Все, сдаюсь! – Это какая-то рыба?

– Да, какая-то, – кивает Марк. – Вообще-то, это морской черт с ризотто, базиликом и суфле из лобстера. Бесподобно. Попробуешь?

Я смотрю на него, он на меня.

Сбрасываю босоножки, откидываюсь на спинку стула и, забыв о тревогах, наслаждаюсь мгновением. Всего одним мгновением.

– Почему бы и нет, Марк. Выбери ты. Выбери для меня.

– Хорошо, – еле заметно улыбаясь, кивает он.

Я улыбаюсь в ответ. Я сижу босоногая на теплом солнце, мое тело наконец расслабляется, будто подействовал наркотик: притупляет боль после утренних злоключений. Вокруг нас обедают и приятно щебечут счастливые итальянские семейки. В воздухе витают запахи лимона и вкусной пищи, с моря долетают освежающие брызги.

– Как насчет вина? Позволишь мне выбрать?

– Даю официальное разрешение. В особенности потому, Марк Роскаррик, что ты платишь.

Откуда это взялось? Может, угроза жизни раскрепостила меня, заставила расслабиться и пофлиртовать? Какая разница! Главное, он смеется.

– Справедливо. Хорошо, тогда мы попробуем вина из Альто-Адидже. Ты знаешь, где это?

– Нет.

– Это самый север Италии, Южный Тироль, где все говорят по-немецки. Может, однажды... – Он вдруг качает головой, будто отгоняя нелепую мысль. – Вина там просто превосходные, но почти неизвестные за

пределами региона. У моей семьи там виноградники и шлосс, то есть замок.

– Ну конечно, – с легкой улыбкой говорю я. – У кого нет шлосса? Был у меня тут один, но потом наскучил. Шлоссы – это прошлый век! Теперь мне бы палаццо.

– Ага, дразнишь меня.

– Ты миллиардер. Первый миллиардер, которого я встретила.

– Икс, даже не знаю, радоваться ли этому.

– Ну и какво это, иметь столько денег? – спрашиваю я, хрустя гриссини.

Мой наглый вопрос вызывает у Марка улыбку. Над его головой развеивается выцветший на солнце бледно-голубой европейский флаг.

– Не думать о деньгах – то же самое, что не думать о погоде, – пожимает плечами Марк. – Это незримое преимущество. Я знаю, что мне очень повезло. Но, чтобы заработать целое состояние, пришлось потрудиться.

А с богатством приходят новые трудности.

– Например, слишком много частных самолетов? Докучающая толпа красивых женщин, жаждущих с тобой переспать?

– Нет. – Наши взгляды встречаются, в его глазах пляшут искорки. – Деньги очень... усложняют жизнь. Скажем, ты купил виллу в Тоскане. Тебе придется

платить кому-нибудь, чтобы тот присматривал за ней, потому что большую часть времени ты там просто не бываешь. Затем нужно заплатить людям, чтобы охранять человека, присматривающего за твоей виллой. Потом ты наймешь кого-нибудь для проверки человека, который охраняет другого человека, который в свою очередь... в общем, скука несусветная. – Он медлит, а потом фыркает со смеху – лениво и заразительно. – Я не жду сочувствия.

– Ты его и не получишь.

Приносят заказ. Выглядит все необычно, но красиво: куски нежной белой рыбы, обрамленные «суфле из лобстера», словно полупрозрачной пенкой из бледно-розовой икры. Все это лежит на зеленом островке ризотто – риса вперемешку с базиликом.

Я все-таки пробую блюдо.

– О боже!

– Нравится?

– Это... – Я просто не нахожу слов. – Восхитительно! Никогда не ела ничего подобного.

– Вот и отлично!

На лице Марка появляется широкая ослепительная улыбка. Мой взгляд скользит к его груди, где рубашка с расстегнутым воротником обнажает темный треугольник кожи. И темные, слегка выгоревшие на солнце волосы. Изящные руки тянутся к бутылке вина в

серебряном ведерке.

– А теперь очередь «Гевюрцтраминера»²³. Это вино привезено из Тремена, долины реки Эч. Там был впервые выращен этот сорт. Он идеально подходит к пряному вкусу базилика и морского черта.

Мой прошлый опыт в дегустации «Гевюрцтраминера» сводился к дешевому немецкому вину и еще более дешевой калифорнийской версии. Я нехотя делаю глоточек, но Марк прав. Могу поспорить, он всегда прав! Вино очень вкусное. В нем нет приторной сладости, которую я ожидала: богатый букет, тем не менее оно сухое, с легким цветочным шлейфом. Черт поberi, оно просто идеально!

Так, за едой и вином наш разговор становится более дружелюбным, он буквально льется рекой. Я рассказываю Марку веселые истории из студенческой жизни, обо мне и Джессике. Они, конечно, не такие уж веселые, однако Марк смеется, кажется, искренне. Гармония постепенно заволакивает мой разум. Будто события в переулке случились с кем-то другим, в другое время.

Вино терпкое, прохладное и приятное на вкус. Солнечный день в самом разгаре, вокруг меня оживленно болтают на итальянском, лучшей музыки и предста-

²³ «Гевюрцтраминер» – знаменитое эльзасское вино; производится из белого винограда сорта «гевюрцтраминер».

вить нельзя. Я рада, что не понимаю слов: разговоры восхитительным образом теряют свое значение, бормотание иностранцев ласкает слух.

Наконец Марк откидывается назад. Склоняет набок свою потрясающе красивую голову и с любопытством смотрит на меня:

– Икс, ты так и не спросила меня про сегодняшнее утро. Тебе больше неинтересно?

Он прав. Не спросила. Почему?

Может, отчасти мне не хочется портить момент. А еще моя голова затуманена мыслями. И не об утренних событиях, а о сексе. Прямо сейчас, сию секунду, я хочу заняться любовью с Марком. Хочу ощутить его ладони на своей коже, губы на моих губах, он будет ласкать меня бесконечно долго. Представляю нас двоих на пустынном пляже. Надо мной солнце, надо мной Марк...

Роскаррик смотрит так, будто хочет меня не меньше. Пару минут назад я встала и пересела в другое кресло, чтобы скрыться от бьющего в лицо солнца. Я видела, как он взглянул на мои ноги, на голые ступни. С неподдельным и всепоглощающим желанием. Марк старался делать вид, что его это не волнует, но все же пялился. А как пристально он смотрит мне в глаза!

Между нами повисло эротическое напряжение, мы так близко, что можем прикоснуться друг к другу. Вос-

хитительно и невыносимо. Сладкое мучение. Так не может дальше продолжаться. Не должно. Этот период засухи обязан закончиться, а дождь – вернуться. Но все же на небе нещадно светит солнце.

Марк поднимает руку:

– Думаю, нам нужно выпить еще.

– Нужно ли?

Он кивает:

– Но на этот раз другого вина. Особенного.

Я смотрю на стол и понимаю, что наши тарелки унесли, а я и не заметила. Меня это не удивляет: вокруг Марка Роскаррика все происходит как-то само собой, надлежащим образом и тем не менее неуловимо.

Вместо тарелок на столе появилось новое серебряное ведерко. Марк извлекает оттуда изящную бутылочку, поворачивает и показывает этикетку:

– Это «Москато роса» из Сан-Лауренца, все тот же Альто-Адидже.

Марк наливает на донышко в крошечный бокал и поддвигает его ко мне.

Вино выглядит как жидкий янтарь, смешанный с кровью святого. Аромат божествен. Марк указывает рукой на мой бокал с розово-золотистым напитком:

– Мы производим лишь пару сотен бутылок в год, большую часть времени это вино вообще не получить. Погодные условия должны быть perfetto. В мире всего

десять гектаров таких виноградников.

Перед тем как попробовать, я медлю. Время пришло: пока мы не зашли слишком далеко, а я не выпила слишком много. Мне нужны ответы!

– Марк, как ты узнал, что я в Испанском квартале? Откуда узнал, что меня нужно спасать?

Ткань зонтика слегка трепещет на ветру. Марк бережно возвращает бутылочку в серебряное ведерко, затем смотрит на меня:

– Когда я первый раз мельком взглянул на тебя, Александра, в кафе «Гамбринус»... – Он беспомощно делает взмах рукой, как человек, раскрывающий сокровенную тайну. – Я подумал тогда: ты самая прелестная девушка, которую я когда-либо видел.

Я могу лишь смотреть на него. Мой разум отказывается постичь услышанное, а душа ликует. Ликует! Какая же я дура! Но ничего не могу с собой поделаться. «Самая прелестная девушка, которую я когда-либо видел».

Я!

– Икс, прости, если мои слова слишком просты и поверхностны, но это правда. Мне хотелось подойти и заговорить с тобой. Сразу же.

– И? – выдавливаю я.

– Я сдержался. Но подслушал ваш разговор. Прости. Затем я заплатил за напитки. Не смог не сделать

хотя бы такую малость. А после ушел, пока не натворил глупостей.

– Почему ты не заговорил со мной?

Марк пропускает мой вопрос мимо ушей.

– Но потом ты пришла в палаццо. Поступила довольно дерзко. И тогда я понял, что ты не такая уж наивная, какой показалась сперва. Ты открылась с новой стороны – забавная, умная и... В общем, мне было сложно опять противиться себе. Я не из тех, кто предается сентиментальности.

Что он такое говорит? Я таю от его слов. Таю. Но я не должна. Мне необходимо знать про Джессику. Почему он сказал, что она ему понравилась? Но не успеваю я спросить, как он произносит:

– После твоего ухода из палаццо я попросил друзей – приятелей, коллег, слуг – присматривать за тобой. Прости меня еще раз. Я не имел права вмешиваться без спроса в твою жизнь. Этому нет оправдания. Но ты показалась мне все же... слегка наивной, может, даже слишком дерзкой.

– Ты устроил за мной слежку?

– Не совсем. Назовем это охраной. Да. «Охрана» звучит лучше. Потом я узнал, что ты исследуешь жизнь трущоб, Матердеи, Скампию – очень опасные места, – и попросил своих людей быть более бдительными. Да, последнюю пару дней за тобой следили.

Не знаю, как к этому относиться. Должна ли я испытывать шок и отвращение, что в мою жизнь вторгаются? Но в моей душе все наоборот. Я под защитой! Марк Роскаррик защищал меня. Невозможно злиться на него.

– Я был на виа Толедо, – говорит он, – когда позвонил один из моих парней, Джузеппе, и сказал, что ты в беде. Он добрался до тебя первым, а я приехал, как только смог.

– И спас меня. Спасибо.

Марк отмахивается от слов благодарности:

– С моей стороны это был чистой воды эгоизм. Я не достоин твоей благодарности.

– Прости, я правильно расслышала? Эгоизм?

Легкий ветерок на мгновение пропадает. Семья, что сидела за нами, ушла. Наступила тишина.

– Икс, – слышу я голос Марка. – Я спас тебя... для себя. Мне дурно от одной мысли, что с тобой может что-то случиться. Как ты уже поняла, именно ты понравилась мне с самого начала.

Теперь я просто обязана спросить.

– Но ты сказал, что Джессика...

– Я соврал, чтобы убереечь тебя от меня.

Его глаза потемнели – от злости или же от печали, а может, от чего другого.

– Не понимаю, Марк...

Он вздыхает и отворачивается, будто разговаривает сам с собой. Вглядывается в голубизну побережья Сорренто вдалеке.

– Александра, для тебя это опасно. Но я все равно неуклонно двигаюсь вперед... – Он медленно поворачивает голову и впивается в меня взглядом. – Ничего не могу с собой поделать. В тебе есть что-то особенное, не только красота, а что-то в самой тебе. Я увидел это, как только ты вошла в палаццо. Твоя смелость, бесстрашие. Острый ум. Меня непреодолимым образом потянуло к тебе. Как по закону гравитации. – Он на секунду замолкает, а потом говорит: – Как там было у Данте? В конце «Комедии». Про любовь, что «движет солнце и светила»? Ах да. «L'amor che move il sole e l'altre stelle».

На этом он замолкает. Я тоже не произношу ни слова. Да и что мне сказать? Что я чувствовала то же самое? Или похожее?

Чтобы подавить свои глупые слова, я отпиваю вина. «Москато роса». Непередаваемый вкус, насыщенный и одновременно утонченный. Сладость без сладости как таковой. Сейчас будто наступил самый важный момент в моей жизни.

– Мне тоже нравится Данте, – слегка дрожащим голосом произношу я. – Одна из причин, почему я приехала сюда. Хочу изучить итальянский, чтобы читать

литературу в оригинале.

– Любимый отрывок? – В его глазах вспыхивают огоньки.

– В «Комедии»? – Я обдумываю ответ. – Наверное, отрывок из «Paradiso»²⁴. Когда души возносятся к Господу...

Не скрывая восхищенной улыбки, Марк заканчивает предложение за меня:

– Да! Как воспаряющие снежинки! Это и мой любимый отрывок.

Наши взгляды вновь встречаются. Марк произносит строфу на певучем итальянском:

– «In sù vid' io così l'etera addorno, farsi e fioccar di vapor triunfanti...»²⁵

И вновь тишина. Марк делает глоток вина.

Затем ставит бокал на стол, его алые губы увлажнились от сладкого «Москато роса». Он пристально смотрит мне в глаза. Тянется рукой через стол и накрывает мою ладонь своей. Подается вперед чуть сильнее. От его прикосновения меня словно пронзает током, каждая клеточка тела жаждет раствориться в этом невероятном мужчине. Мир вокруг нас меркнет.

²⁴ «Рай» (*um.*).

²⁵ «Так здесь эфир себя в красу облек, Победные взвевая испаренья, Помедлившие с нами долгий срок...» Данте Алигьери. Божественная комедия. Рай. Песнь XXVII. Перевод М. Лозинского.

– Марк... – выдыхаю я.

Я связана по рукам и ногам. Другого выхода не остается. Не хочу больше тянуть. Наши губы совсем близко. Мир теряет смысл, Вселенная – ничто, есть лишь этот момент: наш столик на солнечной террасе, я, Марк Роскаррик, его прекрасное лицо и влажные сладкие губы, что вот-вот прильнут к моему жаждущему рту.

– Я не могу, – говорит он. – Не могу поцеловать тебя. Это слишком опасно. Для тебя. – Он мрачно вздыхает. – Ты мне очень нравишься, Икс. Не помню, чтобы я желал кого-то так сильно. – Длинная и гнетущая пауза. – Но это невозможно.

7

– До меня по-прежнему не доходит – почему?

– Мы не зашли далеко.

– Странно. Очень странно. Угощает тебя обедом, говорит, что чуть ли не обожает тебя, что ты самая красивая девушка со времен Елены Троянской, если не симпатичнее... а потом заявляет: «Видишь ли, я не могу из-за мрачной и ужасной тайны...» Затем провожает до дома – и все?!

– Он предложил мне свою машину и водителя, чтобы я изучала Неаполь... без приключений.

Подруга кивает.

– Джесс, почему он так поступил? – не унимаюсь я. – Почему?

– Дай подумать. А чтобы лучше думалось, мне нужна доза никотина.

Подруга прикуривает сигарету и выпускает сизый дым под хруст пиццы «Маргарита».

– А может, он и правда очень влиятельный samorrista? – выдает она. – И не хочет, чтобы его мерзопакостные секреты всплыли на поверхность? Выглядит он как довольно опасный тип. – Джесс фыркает со смеху. – Может, дело в другом. Может, у него просто герпес!

Не язвительные ли нотки появились в ее голосе? Она моя лучшая подруга, не хочу, чтобы она завидовала мне или расстраивалась. Пока что ее реакция была сдобрена здоровым чувством юмора, с присутствием ей цинизмом и очаровательным сарказмом. За это я и люблю Джесс. Именно она привносит в мою жизнь стабильность. Иначе я рискую упустить нить событий.

– Но опять же, – задумчиво говорит подруга и выпускает дым кольцом, – может, это имеет отношение к его жене. Ее смерти.

Мы весь вечер обсуждаем Марка в маленькой пиццерии неподалеку от порта. Джессика поддерживает тему, за что я ей очень признательна. Но ведь именно она потащила меня в то кафе.

Мы сидим на улице, наслаждаясь знойным вечерним воздухом. В то же время я вижу, что происходит внутри пиццерии: там здоровяки с демоническими прическами накачиваются в баре крепкой граппой. Они залпом опрокидывают жидкость в горло, затем оборачиваются, словно в ожидании аплодисментов. У некоторых на руках шрамы – ожоги или порезы.

Джессике нравятся такие злачные места. Ей они кажутся очень душевными и настоящими. Иногда я с ней соглашаюсь, иногда нет. Прямо сейчас меня это мало волнует. Я еще не отошла от шока, а на горизонте ма-

ячит депрессия.

Марк Роскаррик испытывает те же чувства, что и я. Но он не может позволить себе быть со мной?

Он также предлагает мне машину с водителем. Джузеппе. Зачем делать это, если наши отношения не продвинутся дальше?

Смотрю на заваленный бумажными салфетками стол, а потом на Джессику:

– Джесс, я веду себя глупо, да? Думаешь, мне стоит забыть его?

В ответ подруга пристально смотрит на меня:

– Да.

Откровенно говоря, я разочарована. А еще я знаю, она права.

– Однако... – добавляет Джессика, смачно пожевывая сигарету. Ее слова вырываются в ночной воздух вместе с дымом. – Знаю, что ты этого не сделаешь.

– Что, прости?

– Не сможешь забыть, правда ведь, дорогая? Это уже зашло слишком далеко, так ведь?

В голосе Джесс звучит нехарактерная для нее нежность. На лице – понимание и мудрость. Иногда мне кажется, что она знает меня лучше, чем я саму себя.

– Что ты имеешь в виду?

– Да ладно тебе. Икс, ты влюбилась в него. Я тебя еще никогда такой не видела, мрачная и мечтатель-

ная... В духе Кэтрин и Хитклиффа ²⁶.

– Но...

– И это совсем не как с Занудой-Математиком, верно? Теперь все по-настоящему. Ты буквально проливаешь реки слез из-за какого-то обеда! Сама подумай. – Она пожимает мою руку. Мне вдруг вспоминается прикосновение Марка за обедом. – Послушай, ты же хотела приключений, хотела слегка рискнуть. Приехала в Италию в поисках чего-нибудь нового и потрясающего. Вот и оно. Разве нет? Может, он и разобьет тебе сердце, но ты с такой же легкостью можешь разбить его.

– Но если он замешан... в чем-то?

– Что ж, коли так, смирись. Здесь это естественно. Когда находишься в Риме, спи с римлянами!

– Это что, поговорка такая?

– Нет, – тихо смеется подруга. – Это чистая правда. Кстати, у мафии свои плюсы. Никаких чертовых туристов поблизости! Неаполь – последний из истинно итальянских городов. Последний город, не оккупированный толстыми иностранцами с фотоаппаратами.

– Если, конечно, он мафиози. Но я... я не могу... Ты понимаешь.

Безнадежно. Все это безнадежно. И бессмысленно.

²⁶ *Кэтрин и Хитклифф* – персонажи романа Эмили Бронте «Грозовой перевал».

Марк Роскаррик сделал из меня зануду. Как мне поступить?

Снова смотрю на бар. Возможно, половина здешних мужчин *camorristi*. Выглядят они как самые обычные портовые грузчики – крепкие и с татуировками. Но возможно, они дни напролет проворачивают аферы, подделывают накладные, перевозят контрабанду и посылают подарки женам таможенных работников. А после идут в переулки за Ворота Капуи и выпускают пар, выбивая дух из соперника.

Да, уверена, так и есть.

К тому же я уверена, что Марк не из таких. Он смешной, проницательный, с чувством собственного достоинства и очень умный. А еще эта присущая ему непринужденная манера и утонченность, – правда, может, все дело в дорогом английском образовании и изысканном европейском воспитании? Может, все это лишь напускное. Может, он очередной танцор в маске на костюмированном балу неаполитанской жизни.

А как он атаковал напавшего на меня хулигана! Не могу не вспомнить про это. Серьезный был удар, всплеск расчетливой агрессии, будто он применил смертельное оружие, причем знал наверняка, как с ним управляться.

Кровь на его кулаке. Смуглая кожа, белые зубы. Хищник, а не человек. Как же съежились наркоманы

при его появлении.

– Эй! – Джессика машет рукой у меня перед лицом, будто я ослепла.

– Прости.

– Дай догадаюсь. Ты задумалась о лотерейных номерах? Стоимости поленты?

– Он не хочет больше видеть меня, Джесс, так что все бессмысленно.

– Правда?

– Он четко дал понять. Возможно... у него есть чувства... но мы не можем быть вместе.

– Ой-ой! – Джессика отмахивается от моих жалобных слов. Она ловит взглядом официанта и просит счет. – Да брось ты, детка. Ясно как день, что он хочет увидаться с тобой, просто есть какая-то загвоздка. Но на этой стадии сексуальное влечение подчиняется собственной логике. Если желание возникло, ничто не сможет встать на его пути. Поверь мне. – В сумерках я вижу ее улыбку. – Он вернется.

Как же я хочу, чтобы это оказалось правдой. Я напугана, но мне это нужно. Хоть сейчас бери и лети домой: подальше от опасностей и сердечных ран.

Джессика оплачивает счет, и мы поднимаемся, игнорируя внимательные взгляды здоровяков с выпивкой. Идем вдоль береговой линии Неаполя до Санта-Лючии. Над Капри зависла бледная луна – белоли-

дая северная вдова под черной южной вуалью – мантилей. Вдруг все разом омрачается в моих глазах. Щебечущие компании итальянцев и семьи на прогулке больше меня не воодушевляют. Все это так глупо, что хочется плакать. Что со мной происходит? Мои чувства явно надуманны и неоправданны, тем не менее они как настоящие. Я подавлена, я тупица, мне так больно, жалею себя. Смотрю на Марка Роскаррика...

Маркус Роскаррик!

Стоит в свете луны и фонарей около моего дома, один. Облокотился о свой серебристо-синий «мерседес». На нем джинсы и однотонная темная рубашка. Смотрит он в сторону бульвара на кусочек освещенного звездами моря. Выглядит отрешенным, такой высокий, задумчивый и одинокий. Видение, а не человек. Сумрачный свет подчеркивает скулы на его лице. Сейчас он более молодой и грустный, чем когда-либо. Но и более мужественный.

– Видишь, – произносит Джессика. – Я же говорила.

Марк поворачивается на ее голос и видит меня. Мой рот открыт, но я молчу. Я будто стою на сцене в свете прожекторов, а скрытая темнотой публика города следит за спектаклем. Тишина окутала нас всех.

– Я, пожалуй, пойду в бар... – говорит Джессика и многозначительно улыбается мне.

Затем подруга растворяется в темноте ночи, оставляя меня наедине с Марком. Мы словно единственные люди во всей Кампании. Только он, я и созвездие Ориона, отбрасывающее свет на Сорренто и Капри.

По его угрюмой, печальной улыбке я понимаю, что-то изменилось. Что-то необратимое. В стене, существовавшей между нами, возникла брешь.

Он делает шаг навстречу, но я уже бегу к нему в объятия.

Губы соприкасаются быстрее, чем тела. Это наш первый поцелуй, первый из множества, а может, единственный. Откуда мне знать? Да меня это и не волнует. Он страстный и горячий. Марк собирает мои белокурые волосы в кулак и запрокидывает мне голову. Я ощущаю легкую боль – о да, мне это нравится. Его рот впивается в мои губы – теплый, влажный, солоноватый, жадный. Язык сразу же находит путь внутрь, следуя по наитию. Я перестаю думать. Я и есть сам поцелуй. Восхитительный поцелуй под Орионом.

Наши языки схлестнулись, исследуя друг друга. Поцелуй вызывает во мне трепет. Марк целует меня крепче и искуснее, чем кто-либо в моей жизни. По всему телу вспыхивают искорки наслаждения.

Он на мгновение отстраняется, я люблюсь его длинными ресницами и слегка прикрытыми голубыми глазами, сияющими в свете фонарей, – так близко от меня. Мое обоняние улавливает запах геля для душа, доминирующую нотку восхитительного одеколона, сладковатый аромат потной кожи, и все это он, он, только он.

– Прости, Икс... – говорит Марк. – Не могу устоять. Что ты творишь со мной...

– Еще.

На этот раз я сама привлекаю его. Мы опьяневшая от любви пара, скользящая по заоблачному танцполу. Вцепились друг в друга, как утопающие. Понемножку движемся назад, смеемся, но остаемся предельно серьезными, неистово целуемся. Его губы крепче прижимаются к моим, на этот раз сильные мужские руки скользят вниз по моей спине.

На мне легкое черное платье из тонкого хлопка. Марк яростно сжимает мои ягодицы, притягивая к себе, а другой рукой обнимает за шею. Ненасытные, мы целуемся снова и снова. Затем его ладонь ложится на мою талию. Будто партнер в танце, он приподнимает меня и кружит. Ставит на землю и зарывается лицом в шею, теплые губы касаются моей кожи.

– Ты пахнешь клубникой, Икс, – шепчет он, – вином и клубникой.

Марк по-прежнему держит меня за талию, наши пальцы – мои бледные, его смуглые – переплелись. Внутри зарождается желание более сильное, чем секс, но и секс тоже, еще как!

– Наверх, – говорит он. – Сейчас же.

Марк выбирает. Я и хочу, чтобы меня выбрали. Руки мои дрожат, колени подгибаются, пока я пытаюсь вставить ключ в замок. Наконец дверь открывается, и Марк бежит за мной по лестнице, смеясь и рыча, как

великолепный зверь, кинувшийся за своей добычей. Он почти настигает меня, когда я, хихикая, забегаю в квартиру. На мгновение остаюсь одна, но вдруг визжу от страха – слегка притворного. Роскаррик кидается на меня с вожделением и снова преследует до кухни. Мы стоим возле холодильника, Марк снимает с себя рубашку.

На кухне почти темно. Сюда через окно попадает лишь свет от уличных фонарей и серебристо-белой средиземноморской луны.

Теперь Марк стоит без рубашки. Лунный свет черно-белой фотографией ложится на мускулистую грудь, твердые, но тонкие на вид ребра, подтянутый живот. Грудь его оказалась шире, чем я ожидала, более рельефной. Он выше и сильнее меня, я испытываю легкий прилив страха вперемешку с животным желанием. Как же сильно я хочу его! Он бросает рубашку на пол и подходит ближе.

Мы целуемся снова, и еще раз. Встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до мягких губ, один раз, другой. Они такие нежные, трепещущие, чувственные. Мой язык скользит внутрь и возвращается назад. Что я творю? – Довольно, Икс. Теперь – кровать.

Марк подхватывает меня, как пушинку, будто жених, что должен перенести невесту через порог. Идет в спальню и кидает на кровать. Та жалобно скрипит,

вот-вот развалится. Но, если честно, мне наплевать.

Марк Роскаррик длинной темной тенью нависает надо мной, его торс обнажен.

– Останься так, – просит он. – Именно так.

Я лежу на кровати, руки закинута. Но я не могу остаться в таком положении – я слишком хочу его. Яростно сбрасываю босоножки. И тогда Марк хватает меня за тонкую щиколотку и целует внутреннюю сторону стопы, вызывая всплески желаний во всем теле. Божественное ощущение! Я вся горю от страсти. Он отпускает мою ногу на одно невыносимо долгое мгновение, опьяняющее мгновение, и в полутьме смотрит на меня:

– Хочешь, чтобы на мне что-то было?

Мгновение перерастает в тишину. Хочу ли я? Хочу ли, чтобы он надел презерватив?

Ради всего святого, НЕТ! Пусть на нем ничего не будет. Хочу его голым, таким же, как я, и внутри меня. Всю свою жизнь, разумную, послушную, прилежную жизнь паиньки, я просила парней предохраняться – тех немногих, с кем спала. Но сейчас меня это не волнует, мне хочется быть легкомысленной. Я пью таблетки, этого достаточно, а теперь поторопимся!

– Возьми меня скорее.

Марк снова нависает надо мной. Как хищник. Как неземное существо, невероятно красивое по челове-

ческим меркам. Горячо целует меня в шею, вдыхает запах моей кожи.

– Хочу видеть тебя голой...

Я замираю и смотрю на Марка. В нем бушует непонятная мне ярость.

– Хочу видеть тебя целиком...

Пару секунд он возится с пуговицами на платье, я приподнимаюсь на локтях, чтобы помочь ему. Он лишь смеется – а может, даже скалится – и срывает с меня легкую ткань, вот так просто, срывает с моего полуобнаженного тела. Затем отбрасывает в сторону оставшиеся от наряда клочки. Пытаясь возразить, заглядываю Марку в глаза:

– Но мое платье...

– Я куплю другое! – рычит он. – Чертову сотню платьев!

Он проворно расстегивает бюстгальтер и тоже отбрасывает его. Смотрит на мои белые груди с еле сдерживаемым желанием, а потом осыпает их поцелуями – прохладными и теплыми одновременно, сначала левую, затем правую. Его пальцы нежно и умело теребят соски. Марк играет с ними, покусывает. Они каменеют и с каждым прикосновением становятся все тверже.

Его желание дотронуться до самого сокровенного моего места становится непреодолимым. Я влажная,

готовая принять его. Отчаянно жду. Бедра тянутся ему навстречу. Марк знает, чего я хочу. Его губы спускаются по моему бледному животу, ниже и ниже. Он целует мой пупок. Этот мужчина словно некая темная волна, что омывает мое тело и ласкает его, как песчаный берег.

Мои трусики скользят вниз по бедрам, обнаженные ступни трепещут при соприкосновении с тонким хлопком. И вот последний барьер пал, и сладкие губы Марка касаются самого низа моего живота, средоточия желаний, моей промежности, клитора.

Влага между ног смешивается с влагой его губ, крепкие руки стискивают мои бедра. Он целует меня, пощипывает, и тут его язык выстреливает и... о да!.. попадает в самую точку. Марк со знанием дела находит клитор и своим мягким, но напряженным языком лижет меня, двигаясь ритмично и сладко, как мерцающий огонек. Его прикосновения нежные, словно перышко. Мое сердцебиение учащается, тело гудит от наслаждения, я вся дрожу от непрерывных вспышек удовольствия, но Марк неумолимо ласкает мою промежность, слегка покусывая клитор. И тут мир взрывается, ослепляя меня розовым светом, а с губ произвольно слетают слова:

– Боже, Марк, о боже!

– Carissima ²⁷.

Мгновение смотрю на его красивое лицо:

– Марк, прошу, НЕ ОСТАНАВЛИВАЙСЯ!

Кто говорит это? Я ли? Или некто во мне? Нет, это я, я! Язык Марка опять на клиторе, мучает его с жадностью и страстью, но еще и с нежностью. Он поворачивает голову и пробует на вкус мягкую трепещущую кожу на внутренней стороне бедра. В темноте комнаты слышен мой легкий стон. Смакуя удовольствие, я ерзаю из стороны в сторону и прерывисто дышу. Тело сотрясают сладостные судороги. Я совершенно беспомощна и желанна.

И Марк снова лижет меня там, между ног, где наслаждение схлестывается со страстью. Шепчу его имя и запускаю пальцы в черные кудрявые волосы – шелковистые, растрепанные и прекрасные. Я сильнее прижимаю лицо Марка к своей ненасытной промежности, предвкушая оргазм, он приближается. Я что, правда кончу?

О да, боже, да, сотни раз да! И вот оргазм настигает меня. Марк неумолимо лижет, ласкает мой пульсирующий клитор, и я наконец сдаюсь и срываюсь в пропасть. Я лечу в долины блаженства, откуда нет возврата.

Теперь я не просто дрожу, а бешено трясусь, мое

²⁷ Милая (*um.*).

тело будто охвачено спазмами, восхитительными и беспощадными. От нестерпимого удовольствия я закусываю кулак, сдерживая крик. Тело взрывается от наслаждения – глубокого и бесконечного, внутри вспыхивают алые фейерверки, внизу, между моих ног, и распространяются повсюду.

О Боже... Боже Всевышний, да, да, как же хорошо! Серебристые искры по-прежнему вспыхивают в моем теле, каскадом спускаются по ногам. А затем дрожь вновь охватывает меня, я беспомощна. Кожа трепещет, сердце все еще бешено стучит.

– Это было... это было... – Я едва могу выговорить слова.

Смотрю на смуглое красивое лицо Марка, его щетиновый подбородок по-прежнему между моих ног.

– Первый... о черт... черт возьми...

Марк, кажется, улыбается, а еще я слышу его бормотание. Он нежно целует мой живот и сильнее раздвигает ноги.

– Sei un servo – un servo bianco²⁸. – Он расстегивает джинсы. – Александра...

Я беспомощно растянулась на кровати, хихикая от восторга. Влажная, обезумевшая от желания. Пускай делает со мной все что хочет. Пускай хоть изнасилует, разорвет на части, опустошит. Лишь бы был внутри

²⁸ Ты олень – белый олень (*um.*).

меня.

И он это знает.

– Алекс...

– Да?

– Ты уверена? Точно, *saga mia*? ²⁹

– Уверена, Марк. Я вся твоя, целиком.

Да, я и вправду уверена, я так сильно желаю его!

В приглушенном свете наблюдаю, как он снимает ботинки, стягивает носки и становится похож на босоногого воителя, высокого, прекрасного грека, доблестного героя. Он избавляется от джинсов, и да – Господь Великодушный – да! Теперь я вижу его возбужденную плоть, твердую, мощную, готовую для меня. Не успеваю я и глазом моргнуть, как Марк проскальзывает внутрь меня, какая же я влажная, а он – огромный и сильный. Даже агрессивный.

Непередаваемые ощущения! Мы подходим друг другу слишком уж хорошо. Будто Марку предназначено оказаться внутри меня, накрывать своим телом целую вечность, обладать мною. Мои бедра поднимаются ему навстречу, я уступаю перед его силой, будто бы это борьба или изящный танец. Но нет, мы не танцуем: мы трахаемся – он трахает меня. Властно и нежно. И мне хочется поцеловать его, пока наши тела слиты воедино. Тянусь к нему бледными руками,

²⁹ Моя дорогая (*um.*).

обхватываю лицо – прекрасное в лунном свете и сосредоточенное. Он опускается, и мы целуемся, наши языки тоже ведут бой, как и его мужское орудие внутри меня.

– Обожаю, когда ты внутри меня.

– Обожаю трахать тебя.

Мы снова целуемся. Легонько покусываю его губы,

Марк же пощипывает мою шею. Я парю, пока он вонзается в меня снова и снова.

– Нет, подожди. Я обязан трахнуть тебя сзади...

Марк ловко подхватывает меня властными руками, как балерину, голую балерину, а затем одним ловким движением переворачивает. Не знаю, как он это сделал – как? Я уткнулась лицом в матрас, прижавшись щекой к подушке. Марк алчно раздвигает мне ноги, теперь я открыта для его вождедеющей плоти. Он вновь проникает в меня, на этот раз жестче. Я чувствую внутри уверенные толчки, чувствую его вес, грудь прижата к моей спине. Я в восторге!

Как же здорово ощущать на себе его крепкое тело, он все сильнее и сильнее вонзается в меня. О боже! Бог ты мой! Со стонами и вздохами я поворачиваю голову и смотрю на Марка. Он хмурый, серьезный, яростный, с легкой улыбкой на губах.

– Моя красивая девочка.

– Трахай меня сильнее.

Тяжело дыша, он глубоко и медленно погружается в меня, я вся в его распоряжении. Мельком смотрю на лицо мужчины, что владеет моим телом целиком и полностью. Правой рукой он скользит вниз моего живота, направляясь к клитору, не переставая неумолимо трахать меня сзади.

О боже, нет! О боже, да! Безнадежно дрожа, я утыкаюсь лицом в подушку, судорожно вздыхаю, когда рука Марка настигает сокровенное место. Он слегка надавливает пальцами на клитор, вызывая прилив удовольствия, разминает и массирует его, постоянно двигаясь внутри меня. Уже во второй раз я подхожу к пику наслаждения, достигаю гармонии. Я испытываю совершенно новый оргазм, сладостное сочетание пальцев на клиторе и вонзающегося в меня члена. Это уже чересчур хорошо.

О да!

Да, да, да!

На этот раз оргазм более мощный и несколько другой, первобытный, опустошающий. Я слышу свой сдавленный крик, приглушаемый подушкой. Вцепляюсь зубами в ткань в попытке сдержать рвущийся наружу вопль наслаждения.

– Никогда еще, никогда... – лихорадочно бормочу я.

Стискиваю простыни в кулаках, пальцы на ногах сводит судорога удовольствия. Я сдаюсь, белый флаг.

Пока волны наслаждения захлестывают меня, пульсируя и постепенно отступая, я понимаю, что Марк тоже близок к оргазму.

– Кончи в меня, Марк, кончи в меня.

Его необязательно просить. Марк вдавликает меня лицом в подушку, так неистово сжав мою шею, что мне кажется, я задохнусь. Он вздрагивает и изливается внутрь меня. Теряет над собой контроль. Его тело вибрирует, как воткнутый в дерево кинжал. Сладкая истома растекается по моим венам, пока Марк сотрясается от оргазма, ловит ртом воздух и шепчет непонятные мне итальянские слова.

Наконец я слышу его вздох, полный муки и облегчения. Марк обрушивается на меня своим телом, затем перекачивается на бок – умиротворенный и размякший. А я по-прежнему лежу лицом вниз и поскуливаю. Точнее, даже всхлипываю. Вообще-то, даже плачу. Реву. Я всю жизнь ждала этого чуда.

9

Я пробуждаюсь в темноте. Марк еще спит в моей постели. Он бесстыже красив, сурово, по-мужски. Его сладкие, созданные для поцелуев уста слегка приоткрыты, лунный свет подчеркивает белизну зубов, черные кучерявые волосы растрепаны. Но мой взгляд останавливается на неподвижно застывших в полумраке руках – мужественных, но нежных. Безукоризненных и невинных. Невинных ли? После прошлой-то ночи?

Во рту у меня пересохло.

Набрасываю ночную сорочку и ускользаю на кухню. Там выпиваю стакан холодной минеральной воды. Понятия не имею, что со мной происходит. Может, Джессика права, я влюбляюсь.

Пару минут я стою посреди наполненной тенями кухни. Смотрю в окно, на небо, где луна любит себя своим отражением в водах Тирренского моря.

Я тихонько забираюсь в постель и ложусь поближе к Марку, ощущая его тепло и размеренное дыхание.

Просыпаюсь утром. Яркое солнце Кампании уже пробивается сквозь щели моего перекошенного жалюзи, образуя на голых стенах штрихкоды. Он ушел? Я тут же прихожу в панику. Сердце колотится в груди. Нет. Только не так, не так, нет – только не на одну ночь – не после такого. Пожалуйста.

Успокойся, Икс, успокойся!

На подушке Марк оставил девственно-белый листок. Изящная записка сложена вдвое, а сверху перьевой ручкой написано: «Икс». Откуда он взял бумагу и ручку? Как ему удаются эти маленькие фокусы? Я нетерпеливо хватаю записку и читаю:

«Во сне ты выглядела такой счастливой. Я ушел за завтраком. В семь лакомимся sfogliata³⁰. Р. Целую».

Я снова счастлива. Тут же проверяю на телефоне время: 6.40. Марк вернется через двадцать минут. Я быстро принимаю душ, переодеваюсь в симпатичное серое платье из хлопка и не успеваю посушить волосы, как раздается звонок в дверь.

– Buongiorno, – слышу я голос Марка по старенько-

³⁰ Булочки из слоеного теста с начинкой из творога, цукатов, ванили и т. п.

му домофону. – La colazione и servita ³¹.

Через мгновение лорд Роскаррик уже стоит на пороге – с великолепной улыбкой, пакетиком выпечки и due carruccini ³² на картонном подносе.

На Марке свежая темно-синяя рубашка, джинсы и потрясающие дизайнерские туфли. Как? Может, запасные рубашки лежат в «мерседесе»? Волнующие меня вопросы исчезают, когда я пробую восхитительный кофе. А затем мы едим пирожные: внешне они немного напоминают круассаны, но вот начинка...

– Ух ты, вкусно как!

– Из ресторана «Скатуркьо» на улице Спаккананополи. Там их выпекают целое столетие.

– Бесподобно! А что внутри?

– Мягкая рикотта с цукатами и пряностями. Одно плохо: десять штук сразу не съешь, – улыбается Марк.

Я отвечаю тем же. Удивительно, но неловкости нет, хотя это наш первый совместный завтрак. Сидим на балконе, на пластиковых стульях. Вдалеке, по ту сторону залива, нежно-белые ленты облаков окутывают верхушку Везувия, а Капри мечтательно подернулся пеленой.

– Итак, – начинает Марк, отставляя в сторону пустую тарелку. – Насчет прошлой ночи...

³¹ Завтрак подан (*ит.*).

³² Два капучино (*ит.*).

Моя улыбка дрогнула. Вряд ли мне хочется начинать такой разговор. Прошлая ночь была удивительной! Но лучше оставить ее такой, не обсуждая, не анализируя. Одна ночь совершенства. Ночь пылкого, животного, восхитительно безрассудного секса. Никаких вопросов, никаких обсуждений. Она такая, какая есть.

– Прошлая ночь была *perfetto*, – говорит Марк. – Возможно, даже слишком.

– Прости?

Он чуть склоняет голову набок и спрашивает меня:

– Ты знаешь выражение... «*soup de foudre*»?

– Да. – Внутри меня всю колотит. – *Coup de foudre*. Дословно – «вспышка молнии».

Он кивает. Я недоуменно смотрю на него.

Значит, вот что он думает о нас? Вот, что это было? Вспышка сумасшествия и похоти? Нечто скоротечное? Чему уже не быть на следующей неделе?

Марк, видимо, уловил мою неловкость.

– Икс, мне просто нужно кое-что знать, прежде чем мы двинемся дальше.

– Что именно?

– Знать... – Он отводит взгляд. – Готова ли ты. Если ты действительно хочешь продолжить наши отношения, есть кое-что... – Голубые глаза вновь останавливаются на мне. – Кое-что, о чем ты должна знать.

Должна знать? Ну, хватит.

Я ставлю на стол тарелку:

– Марк, скажи мне, что это за величайшая тайна?

Просто скажи. Я справлюсь. У меня даже есть водительское удостоверение, я уже взрослая.

– Я заметил, – улыбается он.

Притворяюсь, что хочу бросить в него пакет от пирожных. Марк виновато улыбается и прикрывается рукой:

– Хорошо, прости. Но это... очень сложно. Не хочу отпугнуть тебя в тот самый момент, когда мы только встретились. Икс, ты мои «самые лучшие новости», как сказал поэт. – Марк на миг замолкает. – Но некоторые стороны моей жизни очень важны для меня, стороны, о которых ты обязана знать, если мы продолжим встречаться. И если ты не сможешь принять это, лучше нам не заходить дальше. Мы просто не сможем идти вперед. Ради тебя и ради меня.

Мне совершенно не нравятся его слова. В них мало хорошего. Я молча жду, чтобы он развил тему. Но сердце мое не на месте, оно бешено стучит, пребывает в смятении.

Марк делает последний глоток кофе.

– Ты когда-нибудь слышала о мистериях? – наконец спрашивает он.

– Нет, кажется. – Роюсь в памяти, перебирая уроки истории в школе. – Что-то до периода христианства?

В университете я в основном изучала современную историю.

– Мистерии – это древние культовые мероприятия с таинственными ритуалами посвящения. Они являлись неотъемлемой частью средиземноморского общества Греции и Рима. Некоторые стали очень популярными, например мистерии Митры. Некоторые сохранили противоречивый и оргиастический характер, такие как мистерии Диониса.

Я с изумлением гляжу на Марка. Дионис. Оргии. Куда он клонит?

– Я не понимаю.

Марк смотрит на тихую улочку раннего утра.

– У тебя есть сейчас пара часов? – спрашивает он.

– Да, я сама себе хозяйка.

– Хочешь проехаться до Помпей? – Он бросает взгляд на часы. – Мы будем на месте раньше открытия. Я знаю администратора там. В Помпеях есть нечто способное все тебе объяснить лучше любых слов.

Это так внезапно и стремительно, но я, кажется, начинаю привыкать. С Марком такое в порядке вещей. Он спонтанный и решительный. Мне это даже нравится, нет, я это просто обожаю. Зануда-Математик не увлек бы меня в древние Помпеи. Правда, у него не было ничего общего с тайными культами и оргиями.

Двадцать минут спустя мы мчимся через унылые окраины Неаполя. Мимо проносятся серые бетонные здания, изуродованные граффити, однако вокруг шелестят оливковые рощи и ароматные лимонные сады, спускающиеся к блестящему морю. Даже среди всеобщей запущенности они выглядят чудесно. Возможно, разруха – это важная составляющая Неаполя. Как жестокость для любви или увядание для роз.

Мы обгоняем небольшие трехколесные фургоны, водители которых – ссохшиеся старички, перевозящие дыни.

– Фабио! – говорит по телефону Марк. – Buongiorno...

Насколько я понимаю, он разговаривает с администратором в Помпеях.

Вскоре мы подъезжаем к внушительным железным воротам. Нас уже ждет низенький, элегантно одетый мужчина – в белых джинсах и очень дорогих солнцезащитных очках от Армани. Он с раболепием приветствует Марка, даже с капелькой страха, а затем поворачивается ко мне и целует мою руку.

После этого милого фарса администратор открывает ворота и впускает нас в Помпеи.

Помпеи!

Я мечтала оказаться здесь еще со школы – своими глазами увидеть сохранившийся до наших дней

известный римский город, погребенный под пеплом после извержения Везувия. И сейчас мне дарована невероятная привилегия: осмотреть его без туристов.

Сидящий внутри меня историк хочет изучить каждый уголок, но Марк шагает вперед, ведя меня мимо руин, мимо римских публичных домов и бань, магазинчиков и таверн.

Наконец мы останавливаемся. На улице жарко, я покрываюсь потом.

– Вилла мистерий, – объявляет Марк.

Мы заходим внутрь, оставляя администратора позади. Передо мной открывается двор, боковые комнаты и яркие мозаичные полы. Заворачиваем за угол и оказываемся в более темной комнате, мастерски украшенной фресками. Им две тысячи лет, на багровом фоне, окаймляющем каждое изображение, слоем лежит вековая пыль.

Веревка отгораживает пространство перед фресками. Наверное, чтобы уберечь их от туристов. Марк перешагивает через нее и, взяв меня за влажную руку, помогает сделать то же самое.

Теперь я в центре комнаты, люблюсь поэтической и мечтательной прелестью этих изображений. Танцующие девушки, трогательные сатиры, печальные и прекрасные женщины. Здесь царствует красота изящества, яркая и живая, спасенная от забвения.

– Эти фрески показывают ритуал инициации, – объясняет Марк. – Девушку посвящают в мистерии.

Я изучаю огромные древние изображения с возрастающим любопытством.

Слева элегантную девушку готовят к изощренной церемонии. Кто-то играет на флейтах. Молодую красавицу тщательно омывают. Она что-то пьет – вино или одурманивающие напитки. Это не важно, но после этого девушка пускается в пляс. Танцует до умопомрачения.

Во рту у меня пересохло. Смотрю направо. На последней фреске девушка проходит обряд посвящения, ее одевает рабыня, укладывает волосы в прическу. Все это время девушка печально смотрит на меня со стены, даже с сожалением, но есть в ее выражении нотка пресыщения.

Пресыщения чем?

Делаю шаг вперед.

Парадоксально, но самая важная, кульминационная сцена спрятана в дальнем темном углу комнаты. Девушка, стоя к нам спиной, наконец сняла одеяния и предстала почти обнаженной. Изгибы ее белоснежного тела восхитительны. Она выглядит божественной и невероятно возбужденной, будто откликается на некую эротическую стимуляцию.

Сердце бьется чаще. До меня доходит, в чем дело.

Девушку бьют хлыстом.

10

– Что все это значит? Я не понимаю, – говорю я, попятившись от фресок.

Марк внимательно смотрит на меня в полумраке виллы, будто заглядывает в самую душу, в мое прошлое...

– Как видишь, Икс, это инициация.

Голос его слишком спокойный, даже неестественный. Мой же срывается на крик.

– И к... к чему это имеет отношение? – (Он ничего не отвечает.) – Марк, поговори со мной. Объясни эти фрески... Зачем ты привел меня сюда?

Между нами повисает тишина. Я слышу пение птиц на улице, отдаленный шум дороги. Однако на Виллу мистерий будто лег покров безмолвия: мы осквернили ее своим разговором. Но можно ли осквернить это? Снова смотрю на женщину на самой дальней и значимой фреске. Затем окидываю взглядом остальные изображения.

Кто этот улыбающийся бог, откинувшийся назад, будто в опьянении? Кто эта женщина с лавровым венком и серебряным подносом? И почему, черт побери, ту молодую девушку бьют хлыстом?! Почему она принимает такое?

Фрески вызывают слишком много вопросов. Мне не хочется тщательно изучать их и разбираться во всем. Тем более скоро сюда хлынут туристы. А наше присутствие здесь против правил. И вообще это ошибка.

– Марк, мы можем отсюда уйти?

– Конечно. – Он машет рукой в сторону освещенного солнцем дверного проема. – Можем пройти здесь, а потом...

Не собираюсь ждать, когда он закончит. Я стремительно перешагиваю через порог и вырываюсь на свежий воздух. Правда, выхожу я в какой-то внутренний дворик с изящной статуей Меркурия из позеленевшей меди на пьедестале – стройный, красивый юноша в крылатых сандалиях. Не припомню эту статую.

– Но здесь нет выхода!

– Икс, подожди. Надо всего лишь повернуть налево.

Налево? Спотыкаясь на камнях, я тороплюсь за угол. В моих мыслях сумятица. Ступали ли по этой же самой тропе молоденькие римские невесты? С голыми, гибкими телами, скрытыми под туниками, в алых сандалиях с золотой отделкой, заходили ли в ту темную комнату в ожидании порки?

И какое это имеет отношение к Марку и ко мне? К нам?

Я заблудилась. По обе стороны тянутся коридоры.

Стоя за моей спиной, Марк нежно и успокаивающе кладет руку мне на плечо и направляет меня. Я скидываю его руку и упрямо шагаю по темному проходу. Не хочу, чтобы лорд Роскаррик прикасался ко мне. Слишком уж это напоминает о прошедшей ночи.

О том, как он беззастенчиво раздел меня. Как вдавливал лицом в подушку – нежно и властно, с примесью ярости.

И все же мне это понравилось. Правда. Как он обладал мною, раскрывая и поглощая целиком. Мне понравилось. Я уступила перед его ненасытностью, он пожирал меня, будто свежесловленного гисси: морского ежа, которого подают в лучших ресторанах Позиллипо. Если я стану думать о нашем восхитительном сексе, то вновь сдамся. Но прямо сейчас я готова обороняться.

– Куда идти? – Мой голос звучит натянуто.

– Сюда, Икс, – мягко говорит Маркус. – Всего лишь пройди здесь.

Я чуть ли не бегу. Мне отчаянно нужен свежий воздух, а не эта тысячелетняя пыль. Торопливой походкой иду по темному коридору, мимо других фресок и мозаики. Вдалеке – наконец-то! – виднеются желтые полевые цветы, покачивающиеся на солнце Кампании. Выход из этого лабиринта. Я выбегаю на свет, летний ветерок окутывает меня. Облегченно взды-

хаю.

Я даже вспотела. Пребываю в легкой панике.

Маленький щеголь в белых джинсах испарился. Древняя римская дорога, усыпанная могилами и домами, уходит в бесконечность. Здесь так тихо. Я оглядываюсь, что-то мне это напоминает. Но что?

И тут меня осеняет. Здесь такая же зловещая атмосфера, как и в Лос-Анджелесе. На освещенных улицах никого нет. Никто не гуляет. Иногда калифорнийские города с их полным отсутствием пешеходов напоминают мне о местах, пораженных чумой или пострадавших от стихийного бедствия. И вот опять я здесь. В городе мертвых.

Маркус выходит на солнце следом за мной.

– Икс, приношу свои извинения. Не хотел тебя огорчить.

– Ты и не огорчил, – грубо отвечаю я. – В смысле, в смысле... О боже...

– Присядем?

Да, мне и правда нужно сесть. Я оглядываюсь по сторонам и нахожу обломок мраморной римской колонны, в которой вырезано импровизированное сиденье. Подхожу и сажусь. Разглядываю ногти на ногах.

Мы красили их вместе с Джесс. Как же мне хочется оказаться сейчас с ней в моей квартире, смеяться, сплетничать, пить дешевое кьянти из супермарке-

та и болтать про наши веселые деньки в Дартмуте. Теперь все изменилось. Моя развлекательная поездка в Неаполь превратилась во что-то иное, мрачное. И лучше, и хуже. У меня был умопомрачительный секс, который, возможно, изменит всю мою жизнь. Но сейчас все покрыто завесой тайны, очень темной и пугающей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.